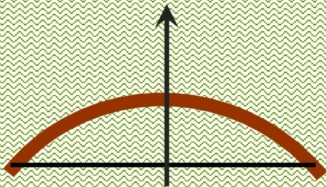

Дан Берг

Царица
Аталья

18+

Дан Берг

Царица Аталья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63610181

SelfPub; 2020

Аннотация

"Царица Аталья" – одна из повестей цикла Библейских историй. В книге описана глубокая древность – приблизительно 9 век до нашей эры. Читатель станет свидетелем кровавой борьбы за власть и веру. Любовь и верность идут рука об руку с ненавистью и изменами. Автор представляет образ легендарной иудейской царицы Атальи иначе, чем это делается в канонической религиозной трактовке. Настоящая повесть является свободной интерпретацией Библейского предания.

Дан Берг

Царица Аталья

Предисловие

В повести описаны события, предположительно имевшие место в земле Ханаанской в 9 веке до нашей эры. В еврейской истории это был период двоецарствия: Израиль – северная монархия, и Иудея – южная. Содержанием жизни правителей – основных персонажей произведения – помимо неизбывных страстей человеческих, была жестокая борьба за победу иудейской веры над язычеством.

Основным источником, доставляющим сведения о царице Аталье, главной героине повести, является Библия. В целом еврейские и христианские вероучители не слишком щедро одарили вниманием Аталью.

Настоящая повесть является свободной интерпретацией Библейского предания. Автор произведения на сюжет из древности имеет известные преимущества как перед историком, так и перед толкователем Священного Писания. В отличие от первого, сочинитель не обязан искать истину – смело и, не смущаясь, он создает ее сам. Не в пример второму, связанному догматами своего религиозного братства, беллетрист не опутан цепями лояльности.

В художественной литературе Аталья фигурирует мало. В 17 веке французским драматургом Жаном Расиным была написана трагедия “Гофолия” – христианское имя Атальи. Менее известна сочиненная в 18 веке на иврите драма голландско-еврейского поэта Франко Мендеса под названием “Мечь Атальи”.

В музыке имя Атальи запечатлено в оратории Генделя (18 век) и в оратории Майра (19 век). С намерением увеличить скромный список увековечений имени царицы, небеса приняли в свой пантеон память о ней – немецкий астроном Вольф назвал Атальей открытый им астероид.

Имена героев употреблены в том виде, в котором они фигурируют в первоисточнике на иврите. Имя первосвященника храма изменено. Имеются вымышленные автором персонажи.

Глава 1 Детство кончается сватовством

1

Заурядное неведение наущает нас называть детство безоблачным. Подобно изобретенному для себя раю, люди придумали счастливые годы для малолеток своих.

Видит взрослый, как на жизненном его небосводе клубятся липкие облака забот, или тревоги чернятся тучами, а

птенцам и горя мало – они под крылом, и не им отбиваться. Взвалив на себя тяжкий труд борьбы, человек избавляет от него чада свои, и посему мнит, будто жизнь ребятни обязательно счастлива и ничем не омрачаема.

Есть в такой догадке зерно истины, но не помещается в одном зерне вся истина. Детство – это самая трудная пора, ибо беззащитность и слабость родят в неокрепшей душе страхи, о которых не подозревает родитель.

Царевна Аталья росла во дворцах. В столичном Шомроне высился главный оплот царства Израилева. Слоновой костью изукрашены были могучие каменные стены. Девочка любила подолгу разглядывать причудливые узоры, вырезанные на желто-белой тверди бивней, вделанных в кладку. Она мысленно продолжала линии, и они сплетались то в лесных зверей, то в небесных птиц. Творение художника содержит больше, чем оно изображает, и созерцающий воображением своим дополнит скрытое.

Изевель, родительница Аталья, бывало, застанет дочку за мечтательным этим занятием, встанет за спиной ее, погладит по голове и заведет разговор.

– Глаз не оторвать! Правда, Аталья?

– Конечно, матушка!

– Что привиделось тебе?

– Вот змея обернулась вокруг камня. А вон орел – сейчас сложит крылья, ринется вниз и схватит ее!

– Я молоденькой девушкой во дворец этот пришла. Все не могла на чудо расписное налюбоваться! Теперь уж реже стены разглядываю, твой черед настал.

– А почему братики мои красоту не примечают?

– Йорам – карапуз еще. А Ахазья хоть и старше тебя на год, а не солидно ему завитушками ум занимать – мужской гонор в нем уж созрел. Раньше или позже он на трон усядется. Ему о великом думать пристало – о войне, об отечестве, о вере. Мала ты, подрасти и поймешь.

– Жарко сегодня, матушка!

– Посиди у пруда, там прохладнее. Можешь и ноги в воду окунуть. Только рыбок отцовых не обидь. Знаешь ведь, как он любит смотреть на мелькание спинок золотых!

Аталья уселась на каменный берег пруда, разогнала ма-

ленькими своими ножками фавориток венценосного родителя и принялась размышлять. “Дворец этот построил дедушка Омри. Он сейчас царь. Он старый, и трудно ему править. Помогает ему отец мой Ахав, сын дедушкин. Они редко дома бывают – всё войны да битвы у них. Красу дворцовую не видят. А когда приезжают, то и не смотрят. Помню, говорила мать, что слоновая кость им для хвастовства нужна – наслаждаются завистью соседних владык. Странно, однако. Вырасту и пойму!”

2

Братья и отец не слишком почитали Аталью, хотя и любили. Ахазье и Йораму подрастающая царевна была по душе неприятельностью пола. Она не соперница и на корону не посягнет. А меж собою отроки хоть и ладили, но сестра все же примечала, как Ахазья порой с подозрением косился на младшего Йорама, а у того нет-нет да и мелькнет зависть в глазах. Время, однако, покажет, что не случилось меж братьями греха войны, и обоим выпало взойти на престол. Это произойдет в будущем, а пока сошел в могилу израильский царь Омри, дед Атальи, и Ахав, отец ее и сын покойного, принял владычество.

Грозный и добрый царь Ахав глядел на дочку с умилением – из его же семени прелестница выросла! И еще он думал, что очень пригодится ему юница, когда настанет время замужества. Ведь невеста, если правильно распорядиться ее судь-

бой – и дар, и товар, и залог. Ахав видел в Аталье повторение ее матери: нрав строптивый, желает на своем поставить. Монарх любил потакать супруге – пусть думает, что и она сопричастна к владычеству. К тому же он признавал, правда, не вслух, но в глубине души, что женские советы необязательно бестолковы.

Изевель обожала мужа, хоть сердилась на него за покладистость, подозревая снисхождение. Ей хотелось доказательных побед, а не великодушных уступок. Кротость сберегает статус-кво, но не бывает искренней, ибо противоречит природе. Впрочем, Изевели не пристало жаловаться на малость влияния в государстве Израильском. Слишком часто Ахав покидал родные стены, подолгу воевал на чужбине, а она тем временем держала в руках кормило, не возлагая корону на голову.

Иноплеменное происхождение Изевели оставило свой глубокий след в бурную пору царствования Ахава. Язычество ее, много харизматичное в глазах как простых, так и знатных иудеев, увлекало людей и гневало пророков, видевших в царевой супруге злейшую врагиню народа. Изрядно и надолго удалось этой женщине поколебать веру израильтян в единого Бога и отчасти возродить почитание деревянных изваяний.

Аталья с любопытством наблюдала за противостоянием и за гармонией, что уживались меж отцом и матерью. Она подслушивала их разговоры и в меру детского понимания своего пыталась постичь резон мужского преобладания. Так уж была устроена голова этого ребенка – искать рациональное. Малолеткой Аталья не находила разумного основания женской приниженности, а, войдя в года, и вовсе отвергла помыслом и делом сию нелепость.

И еще одна вещь занимала отроческий ум – отчего пророки веры, что за спиной отца нависали вечной черной тучей, непримиримы были к идолам, которым мать поклонялась? Почему один Бог – хорошо, а еще один бог – плохо? Из-за этого сыр бор? Девочка представляла себе иудейских пророков злыми демонами, мучающими любимых мать и отца. От малых лет и до конца дней она несла и пестовала в душе неприязнь к исступлению и бессмыслию.

– Чем ты озабочена, дочка? – спрашивала Изевель, наблюдая с тревогой недетскую задумчивость Атальи.

– Да всем, матушка...

– Не хочешь говорить?

– Не знаю, как выразить... Мне тебя жалко...

– Жалко? Глупая! Отец меня любит, и братья твои любят меня, и ты меня любишь, правда?

– Конечно, матушка! – вскрикивает Аталья и с поцелуями бросается на шею к матери.

– Я была уверена! А теперь хватит думать. От думанья любовь слабеет, так и знай! Давай-ка я поучу тебя читать и писать!

3

В городе Изреэле располагался летний дворец царского семейства. Сказать по правде, и не дворец это, а просто добротный и большой каменный дом. Поскольку строение принадлежало монарху, то оно хоть и не слепило глаз роскошью, но все же было лучшим в городе.

В жаркие месяцы Изевель с детьми – двумя царевичами и царевной – выбирались в Изреэль, где воздух прозрачен, и ручьи холодны, и птицы голосисты, и поля зелены, и небо ночное черно, и звезды на нем огромные, и благолепие вселяется в сердца.

Аталья с нетерпением ждала наступления жары – всю зиму напролет мечтала о летнем дворце. Благодать здесь, вот только сад перед домом маловат.

– Я кое-что задумала, дочка! – весело сказала Изевель.

– Говори скорей, матушка! – в тон воскликнула Аталья.

– Вон там к саду нашему примыкает виноградник.

– Вижу.

– Он принадлежит богатому крестьянину Навоту. Мы купим у него землю и разведем цветы!

– Как здорово!

– Навот сына женит. Пригласил на свадьбу. Жаль, отец в отъезде. Пойдешь со мной?

– Конечно, матушка!

– Преподнесем ему и сыну-жениху царские подарки, он размякнет душой и уступит нам землю, а за ценой мы не стоим.

– Какое мне платье надеть, матушка?

– Голубое. Твой цвет!

Сыновья Изевели приглашением пренебрегли. Старший Ахазья отговорился, мол, у него урок стрельбы из лука, а младший Йорам сказал, что он занят – учит щенка подавать лапу.

Аталья очутилась на свадьбе впервые. Глядела на невесту – разодета, покраснелась, смущается. Аталья подумала, что вот, пройдет совсем немного лет, и ей такая же судьба выйдет. Она не знала, хочется ей этого или нет, но понимала – неизбежного не миновать. Боялась, что не полюбит, или любимой не станет, ибо не познала еще извивов души своей.

“Отец найдет мне пару и меня не спросит, – размышляла за праздничным столом бесправная царевна, – у него резон сухой – польза государственная, а до сердца моего ему и дела нет! Матушка говорит, что я много думаю, а мысли любви вредят. Должно быть, права она, но так уж я устроена. Мать с отцом друг в друге души не чают, а мне такого счастья не видать...” Аталья незаметно утерла набежавшую слезинку. Тут зазвучала музыка, и гости неохотно отложили ложки и оторвались от чашек.

“Сейчас покажу иудеям, как надо веселиться!” – шепнула Изевель дочери, встала со своего места и первая пустилась в пляс. Аталья зарделась от гордости – никто лучше матери не

танцевал. Однако, услышала за спиной, как один из застольников говорил Навоту, дескать, пусть царёва жена тешится, да на пользу нам думает, будто иудеи праздновать не умеют! Девочка оглянулась и поймала согласную улыбку хозяина.

Аталья видела, как мать говорила с Навотом, и он стал тревожен, а она – сконфужена. Возвращались домой молча. Изевель сказала дочери, что скоро приедет отец и купит у Навота землю. Когда Ахав прибыл в Изреэль, он первым делом самолично отправился к крестьянину на переговоры, и вернулся домой в недобром расположении духа, и Изевель помрачнела вслед за мужем.

А потом рабыни донесли царевне, что Навот побит камнями за преступление перед монархом, и земля казненного по закону переходит к государю. Но не увидела Аталья радости в глазах родителей, хоть и завладели они вожделенным. И не выкорчевала Изевель виноград, и не насадила цветы. Не укрылось от вострого взгляда дочки, что с тех пор пролегла тень меж отцом и матерью.

Когда подросла Аталья, призналась ей Изевель, что это она возвела клевету на невинного Навота, а отец подтолкнул ее к бесчестию. Поначалу Изевель и Ахав корили друг друга, потом каждый стал винить себя, но тень меж ними не растаяла. А еще мать остерегла Аталью на будущее, дабы никогда

не доверялась продажным судьями и корыстным священникам, ибо они, разбирая дело Навота, знали, что невинную душу губят, а всё же присудили несчастного к смерти – у каждого был расчет на собственную выгоду. “Люди, что правосудием и верой кормятся, вовек не выправятся, а они народ живучий!” – поучала старшая младшую.

События эти промелькнули мимо Ахазьи и Йорама. Да и к чему будущим владыкам царства занимать ум житейскими мелочами?

4

Время шло, Аталья выросла, и Ахав иной раз грубовато намекал на неизбежное и скорое окончание девичества. Отец скажет это и хохотнет, а юница покраснеет и глядит на мать. “Что ждет меня, хорошее или плохое? Боюсь я!” – говорят ее глаза. Изевель погладит дочку по волосам, поцелует в темечко, улыбнется ободряюще: мол, все будет славно.

Здесь, пожалуй, заметим, что оба еврейских государства – Израиль и Иудея – порой огорчали Господа междоусобной враждой. Поэтому пророки Божьи много сил клали на усмирение мятежного духа неуживчивых монархов, и угрозами и посулами склоняли их к благоразумию, раздувая искры здравого смысла в коронованных головах.

Ахав и его иерусалимский венценосный ровня Иошафат

– каждый себе на уме, но сражались против общих внешних врагов вместе, высоко почитая племенную солидарность. Раз возвращались оба царя с севера, где соседней воевали, и Ахав зазвал к себе Иошафата. Посетить Шомрон по пути на юг в Иерусалим – крюк невелик, зато можно вздохнуть от битв в чудном дворце слоновой кости и заодно свести знакомство с гостеприимным семейством. Жизнь учит не пренебрегать случаем, а вдруг толк выйдет?

За обеденным столом гость восседал на почетном месте. Ахав – по правую руку его. Благословение над хлебом произнес Иошафат, вино разлил по кубкам Ахав. Говорили монархи, женщины молчали, царевичи внимали. Обсуждались бои прошлые и неизбежные будущие. К концу трапезы цари захмелели. Иошафат устался на Аталю. Ограждая невинность, Изевель заслонила собою дочку – береженого боги берегут.

– Вижу, Ахав, невеста у тебя подрастает! – сказал Иошафат.

– Наконец-то заметил! – ответил Ахав и наполнил кубок гостя и свой заодно.

– Не смущайте девушку! – вмешалась Изевель и обняла покрасневшую до корней волос Аталю.

– Стесняется она! – пояснил старший брат Ахазья.

– Притворяется! – крикнул младший Йорам и ткнул сестру ложкой в бок.

– Цыц! – прикрикнула на сыновей Изевель, – живо отправляйтесь в сад!

– Сколько лет прелестнице? – деловито спросил Иошафат, обращаясь к девице.

– Тринадцать, – ответила за дочку Изевель и крепче обняла чуть не плачущую Аталью.

– У тебя, кажется, сын одногодка нашей красавице? – воскликнул Ахав.

– Точно! Зовут его Йорам, как вашего младшего. В силу входит, – заметил Иошафат.

– Есть о чем подумать! – произнес Ахав.

– А созрела вишенка-то? – прошептал гость на ухо хозяйину.

– Не знаю, вроде налилась... – тихонько ответил Ахав, – однако, вернее будет у матери спросить.

– Нечего шептаться! Рано ей еще. Придется вам потерпеть годок-другой! – сердито бросила Изевель и увела Аталью.

– Я все поняла, матушка, – сквозь слезы призналась Аталья.

– Ты у меня умница. Будет хорошо.

Оставшись наедине, самодержцы Израиля и Иудеи глубокомысленно рассуждали о пользе, какая выйдет обоим государствам, когда монархи породнятся через деток своих. Свадьба свершилась, и с этого дня Аталья была помолвлена с неведомым ей Йорамом, сыном царя Иудеи.

Глава 2 Молодая жена

1

В 13 лет Аталья, царевна Израиля, стала невестой Йорамом, царевича Иудеи, равного ей годами. Нареченная узнала о решительной перемене в жизни вперед жениха, ибо, во-первых, отцы сговаривались в доме девицы, и будущий муж при сем не присутствовал, а, во-вторых, родитель его, вернувшись домой, не сразу вспомнил о заключенной им сделке.

Монархи Ахав и Иошафат не торговались о величине выкупа невесты. Отец Йорама сообщил отцу Аталы, что по приезде девы в Иерусалим молодые поселятся в прекрасном доме, который станет собственностью новоиспеченной жены. “Замечательный моар! Правда, Изевель?” – воскликнул Ахав.

Поскольку грамота не являлась сильной стороной царского образования, Изевель предложила помощь в составлении брачного контракта. Ахав решительно отверг инициативу, с укоризной заметив супруге, что слово монарха не нуждается в подкреплении клочком пергамента, да и сама высокая и чистая цель соединения юных сердец – укрепить союз двух единоплеменных государств – может быть лишь опошлена торгашеской писаниной.

Итак, два события – принятие бремени заповедей и жениховство – случились у тринадцатилетнего принца почти одновременно, а назначенная ему принцесса уж год как была совершеннолетней. По слову Изевели личные обстоятельства Аталы требовали помедлить с бракосочетанием. Ввиду деликатности материи, кто решился бы возразить матери невесты? Устами матроны вещали голоса древних устоев и природы человека.

Четыре года минули со дня помолвки до свадебного тор-

жества. Хватило бы и двух лет, но государственной важности неотложные деяния отцов стали уважительной причиной задержки. Однако, не беда – и в 17 лет еще не поздно вступать в брак.

Существует мнение, что девушки опережают юношей в развитии. Сие правильно статистически, а, значит, не абсолютно. Вероятно, зрелостью духа Аталья изрядно превосходила Йорама, но последний оставил ее далеко позади в плотских своих устремлениях, и в настоящем и в будущем веско доказывал свой перевес в этой сфере.

Дабы в головах читателей не случилась путаница, впредь будем называть израильского Йорама, брата Атальи, – “брат Йорам”, а иудейского Йорама, мужа Атальи, – “муж Йорам”.

2

Караван медленно двигался из Шомрона в Иерусалим. Запряженные в повозки быки везли провизию – путь-то не короток. На осликах тряслись слуги и рабы. Верблюды были навьючены тюками с женской и мужской одеждой – наряды к свадебному торжеству. Не забыты и подарки жениху и родне его. Охрана шествовала в хвосте и в голове каравана. Дозорные без усталости вертели головами – высматривали разбойников. В безопасном центре гужевого и человеческого поезда могучие эфиопы несли два белых паланкина. В одном сидела Аталья, в другом – Изевель. Каменистая дорога не скупил

лась на колдобины. Животные и люди уставали быстро, часто устраивались привалы. В пути не как в жизни – все наоборот: ждешь конца и не боишься его.

Ахава не было среди путников – он, как обычно, воевал и намеревался присоединиться к каравану на подходе к Иерусалиму. Вышло так, что оба монарха – сражавшиеся бок о бок Ахав и Иошафат – завидели процессию у самых стен столицы Иудеи. Вовремя поспев, они самолично налегли один на правый створ городских ворот, другой – на левый, и впустили дорогих гостей.

Впереди толпы встречавших стоял жених. Он не отводил взор от двух паланкинов, надеясь, что невеста предусмотрительно невзначай приоткроет шторку, и он краешком глаза узрит ее. Но этого не случилось. Зато Изевель широко раздвинула занавеси и воздушными поцелуями приветствовала хозяев. Теперь жених точно знал, где находится Аталья. Ей тоже не терпелось посмотреть на суженого, но она стеснялась выказать любопытство, и хрупкая обитель ее оставалась непроницаемой взгляду.

Двух дней отдыха после утомительного пути гостям хватило для освежения, восстановления, обретения, оживления и прочее и прочее. Подарки были преподнесены, наряды приготовлены, завязка состоялась. Главным пунктом ее ста-

ло знакомство молодых виновников торжества. Физиономия жениха выражала умеренное довольство. Лицо невесты пылало, взгляд потупился, а что творилось в сердце девы – нам не ведомо.

3

Бесконечно долго, без малого неделю тянулся свадебный пир. Разумеется, новоиспеченная жена была отдана в объятия исполненного нетерпением мужа в первый же вечер празднества. Однако, как много времени надобно для улагодворения тщеславия пирующих, и сколько яств потребно для насыщения жадных желудков! Против собственного ожидания Аталья без потрясения приняла метаморфозу, но не хватало ей тишины в переломные первые дни новой жизни.

Иошафат гордо показывал Ахаву и Изевели дом новобрачных. Родители Атальи остались весьма довольны – стены возведены из крепких тесаных камней, потолки и пол укрыты кедровыми досками, комнаты выбелены известкой, на крыше устроены шалаши для спанья в жару, подведена проточная вода.

– Видишь, Изевель, что значит слово царское! – воскликнул Ахав и обнял за плечи Иошафата, – а ты уж собралась чернила изводить!

– Сад здесь насадим, вон сколько места! – заметил польщенный похвалой Иошафат.

– Хороший дом, – согласилась Изевель, – но навсегда ушла от нас доченька, – добавила родительница и провела ладонью по глазам.

– Видеться будете с дитем дорогим! – заверил Иошафат, – мы всегда рады вас принять, да и Аталью на побывку отпустить станем!

– Отныне дом сей – частица Израиля в Иудее! – подмигнул северный монарх южному.

– Отныне Аталья твоя – залог единства наших царств! – подхватил Иошафат.

– Да не забудут нас боги и приумножат залог! – добавила Изевель, покосившись на безмолвную Аталью.

– Помнит Бог народ свой! – сказал Иошафат, украдкой взглянув на Изевель, и искра недовольства промелькнула в глазах его.

– Плодитесь и множьтесь, детки! – поторопился воскликнуть Ахав, и поцеловал в лоб молчавшего мужа Йорама, и

фамильярно погладил Аталью по плоскому пока животу ее.

Рассеялся угар торжеств, и собрался в обратный путь израильский караван. Как и в прямую дорогу, быки повезут на повозках провизию, которой новая родня щедро снабдила уезжающих. Верблюды будут привычно покачивать меж горбами тюки с одеждой. На осликов взгромоздятся слуги и рабы, грустящие о доброй госпоже, покинутой ими в чужом краю. Мускулистые эфиопы рады облегчению – теперь им нести лишь один паланкин. Мать и дочь обнялись и нежно утирали друг другу слезы. Ахав тут же переминался с ноги на ногу. Иошафат и муж Йорам стояли поодаль. Аталья оставалась одна в новом мире.

4

Довольно скоро открылось Аталье пренеприятное обстоятельство. Муж Йорам сообщил ей, что она у него не единственная, а есть у него не то жёны, не то наложницы, и молодость дарованию не преграда, и грех не разжечь в душе зароненную Господом искру любвеобилия. При сем не нарушал он законов Божьих и человеческих и не имел намерения причинить зло молодой жене.

Ей ли, юной и слабой, менять ход вещей в этом мире? Она подумала об отце. Ахав бывал груб, случалось – пьян, а любил только Изевель и к другим феминам не тянулся. Матери выпал счастливый жребий – как не позавидовать?

Подчиняясь жестокости, сердце ожесточается. В смиренной душе сосуществуют кротость и злопамятство.

Вскоре Аталья поняла, что понесла. Беременность не была ей тяжела, только не хватало материнского участия. Верный, как всегда, слову монарха, Иошафат послал за Изевелью. Благодушный муж Йорам не возражал повстречаться с тещей, ибо не имел предубеждений против этой категории родни.

Изевель приехала и затопила дочку любовью и советами. Однако о кручине своей Аталья ничего не сказала. Гордилась? Стыдилась? Она и сама не знала. И все же проникающее око матери узрело то, о чем молчала дочь. Взавши в расчет выражение довольства на физиономии мужа Йорама и вид тусклых глаз Атальи, бдительная Изевель догадалась, что дочь не наследовала ее счастливую судьбу. “Стерпится!” – подумала не изведавшая злосчастья родительница.

5

Две повитухи и придворный лекарь содействовали появлению на свет нового потомка древнего рода Давидова. Никому наперед не известно, какого пола дитя исторгнет чрево материнское – половина на половину. Все меры вспоможения были взяты на случай рождения будущего воина. Вопреки мнениям века, Аталья мечтала о девочке, хоть и не

сомневалась, что и мальчика полюбит.

Первородящую заботливо усадили в паланкин и переправили в царский дворец Иошафата, где существовала особая комната, предназначенная для встречи пополнения правящего семейства. Повитухи велели Аталье опуститься на колени. Они поддерживали стонущую роженицу, а в это время целитель поил ее из ложки особым питьем, успокаивающим боль и ускоряющим развязку. Тайну приготовления снадобья ему открыл на смертном одре его отец, и настанет день, и секрет перейдет к сыну.

Счастливой страдалице стало невмоготу опираться коленями о камни, и ее усадили на скамью, нарочно прилаженную для трудных родов. По истечении несколько жестоких часов Аталья опросталась. Пол малютки огорчил новоиспеченную мать, впрочем, не долее, чем на минуту. Бог дал царя и воина – чем не радость? Громкий плач будущего монарха утешил обессиленную роженицу. Поцеловав дитя, Аталья забылась коротким сном.

Спокойный за благополучие младенца, придворный лекарь с грустью сообщил матери, что имеется изъян в чреве ее, и посему ей не судьба вновь зачать. “Сын этот будет единственным моим чадом, – всплакнула Аталья, – всю любовь, на какую способно сердце мое – ему отдам!”

Прав оказался знаток тела человеческого, и не рожала больше Аталья. Случись малодетность у женщины простого звания, и была бы это лишь ее печаль. Но кручина у царственной особы кольнет не только её, ибо если родится владыка, дела его многих заденут, а не родится – то и отсутствие деяний не меньшую силу возымеет.

На восьмой день появления младенца на свет, над ним свершено было священнодействие приобщения к народу Авраама. Исполнители заповеди, высшие служители Храма, пели гимны во славу Господа и поздравляли осчастливленную родительницу. А Аталья, безучастная к значимости события, страдала за причиненную младенцу боль. Получив из грубых мужских рук надрывно плачущее дитя, она подхватила сверток нежными ручками и поторопилась скрыться от лишних взоров, и дала пострадавшему грудь, и тем утешила крошку.

Новорожденный получил имя Ахазья. Автор сочувствует читателю: еще один Ахазья! Но что поделаешь? Факты каменно тверды и сомнения не уместны. В новейшей истории много спорного и туманного, и посему ее переписывают, а героев переименовывают. Седая старина пряма и прозрачна, и мы не покусимся на анналы древности. Ясности ради, далее станем величать Ахазью, израильского брата Атальи – “брат Ахазья”, а сына Атальи – “сын Ахазья”.

Узнав от гонца о событии, Изевель снова заторопилась в Иерусалим – поддержать дочку и познакомиться с внуком. Вознамерились присоединиться к матери братья Ахазья и Йорам.

Скороходы помчались на север, чтобы известить сражавшихся плечом к плечу Ахав, Иошафата и мужа Йорама.

Глава 3 Будни царей

1

Царевич растет, мать воспитует дитя, отец и деды воюют с соседями. Тривиальные дворцовые будни, проза и поэзия монархов, мелькание корон и мечей – всякие оттенки обыденности.

Пожалуй, царь Ахав – самый славный израильский полководец своей години. Хотя военный успех не всегда сопутствовал храброму ратнику, и спотыкался он порой о камни маловерия, однако, искренность бесстрашия и подвижничество отчизнолюбия умаляют неудачи и обеляют грехи.

Всю свою боевую карьеру Ахав воевал с Бен-Адаром, одним из арамейских царей, что правил в древнем городе Дамаске. Воспоминания о битвах – первейшая души отрада равно солдата и полководца. Ахав не был исключением и по счастью не испытывал недостатка в сочувствующих слуша-

телях.

Бывало, Ахав с Изевелью наведаются в Иерусалим, дабы навестить дочь и внука. Радужный Иошафат усадит визитеров за стол и самолично станет управлять слугами, вносящими в трапезную перемены блюд. Ахав был не врагом, но скорее другом доброго вина, а хозяин зорко следил, чтобы не пустовал кубок гостя. Пируя от души, почувствует, наконец, Ахав, что благотворная жидкость поряточно освежила память и вдохновила язык, и тогда он отверзнет уста.

Милостью судьбы Изевель слыхала правдивые мужнины рассказы многократно, благодаря чему достаточно хорошо усвоила женским своим умом дислокацию армий, а также начало, ход и окончание битв. Так она понимала: путь политического союза – война и насилие. Она брала на колени маленького Ахазью, играла с внуком, кормила из ложки, сюсюкала тихонько. Но все же одним ухом прислушивалась к повествованию, ибо всякий раз открывались новые детали. Аталья и муж Йорам внимали с почтением. Иошафат задавал уточняющие вопросы и, как коллега-ратоборец, вставлял замечания знатока. Воспроизведем одну из застольных бесед.

2

– Я со своей армией охранял северные рубежи Израиля, – начал Ахав, – а тем временем Бен-Адар, владыка Дамаска, собрал войско в тридцати двух малых царствах, ему подчи-

ненных, и двинулся к нашим границам. Он окружил мою столицу Шомрон и осадил город. На другой день явились ко мне посланники коронованного стяжателя, и передали мне на словах, дескать, мое серебро станет его серебром, мое золото будет его золотом, а мои жены – его гарем украсят. И еще сказали гонцы, чтобы я готовился к встрече слуг государя арамейского – они унесут все, что дорого глазам их.

– Я держал совет со старейшинами и с сотниками, и все в один голос заявили, чтобы я не соглашался на унижение и отослал бы людей Бен-Адара, не солоно хлебавши. Тогда грабитель сей послал остережение, мол, боги его обещают, что пепла от сожженного им Шомрона достанет по горсти каждому солдату его”.

– А я не испугался пустых угроз и снова созвал совет, и было решено затеять бой...

– Извини меня, Ахав, – вмешался Иошафат, – мне кажется, ты случайно упустил одну подробность!

– Какую подробность, достойнейший Иошафат? – спросил Ахав, и в голосе угадывалось недовольство.

– К тебе подошел пророк Господа нашего, и от имени Его настроил тебя на сражение и обещал победу! – торжественно

произнес Иошафат.

– Да, так и было, – признал Ахав и продолжил, отхлебнув из кубка, – а пока я считал своих бойцов и собирал силы, хвастливый Бен-Адар, полагая, что Шомрон у него в кармане, учинил в своем шатре знатный кутеж, и все тридцать два царя напились вином допьяна. Мы же, люди трезвой повадки, с великим тщанием готовились к наступлению. И тогда я сказал поучительные слова своим воеводам: “Хвалился пес, да волки сожрали!”

– Правильно! Не говори “Гоп!” пока не перепрыгнул! – поддакнула мужу Изевель, желая подтвердить свое участие в беседе.

– Я с верным войском моим бесстрашно бросился в дерзкую атаку, – продолжал Ахав, – и в кровопролитном бою одержал безоговорочную победу. Арамейцы кинулись наутек, а мои доблестные бойцы преследовали бегущих и убивали мечами. Обильны были наши трофеи – лошади, колесницы, оружие, кольчуги.

– Теперь расскажи нам о судьбе поверженного тобой Бен-Адара, – подсказал Иошафат.

– Единственный, кто спасся – это Бен-Адар, – ответил

Ахав, – хитер был, собака, умудрился скрыться! По прошествии года он сумел собрать новую армию и приготовился воевать со мной, но я вновь его одолел!

– Любезный гость мой! – вмешался Иошафат, – ты, кажется, опять забыл упомянуть важнейшую вещь. Позволь, я добавлю. Перед вторым решительным боем, снова подошел к тебе пророк Господа нашего, и сказал, мол, Бен-Адар не признал иудейского Бога за единственного и всесильного, назвав Его богом гор. И за эти слова бесчестья, Он наказует языческого царя и отдает его в руку твою, то бишь дарует тебе победу. И свою речь пророк заключил вдохновенными словами: “Смелее вперед!”

– Верно, достойный Иошафат! – не слишком охотно признал Ахав, – и, сошлись, стало быть, в бою две великие дружины, и сыны Израилевы побили арамейцев. Сто тысяч пеших зарубили мы в один день. Остатки вражеского полчища пытались бежать, но обрушилась на них стена каменная, и еще двадцать семь тысяч трупов легли под обломками. А ловкий Бен-Адар вновь ускользнул от меня!

– Бен-Адар укрылся в Дамаске и дрожал от страха за свою нечестивую душу. К нему явились его царедворцы, и сказали, дескать, слышали они, что цари Израильские сердобольны и не злопамятны. И ежели пасть ниц перед лицом побе-

дителя и покаяться, то пощадит великодушный и не обезглавит. И Бен-Адар послушался советов, и пришел ко мне, и молил сохранить ему жизнь.

– А я не стал заноситься перед поверженным, и помило­сердствовал, и не попрекнул. Я говорил с ним, как с достой­ным противником, и усадил рядом с собой в колесницу, и мы проехали по улицам Дамаска. И умный Бен-Адар смекнул, чего я жду. Он вернул мне города, что когда-то захватил у Омри, моего отца, то есть деда твоего, Аталя. И он отдал мне в аренду широкие мощеные площади в своей столице для устройства рынков. И я принялся торговать, как у себя Шомроне, наживаясь и процветая. А потом мы заключили союз...

– Пожалуй, я продолжу, – сказал Иошафат, заметив, что Ахаву становится все трудней говорить складно, – и заклю­чили вы с Бен-Адаром союз и возглавили армию двенадцати монархов против нашествия Шалмансара, царя Ашура. Ни одна из сторон не одержала верх, но завоеватель был оста­новлен.

– Договоры, что не воинской честью, а торгашеской коры­стью заключаются – не крепки, хоть и принимаются с пом­пой, – с грустью заметил Иошафат, – потому короток был век союза меж Ахавом и Бен-Адаром. Еще продолжалась война

с Ашуром, а арамейцы вновь покусились на Израиль. Говорят же мудрецы наши, что не отмыть арапу черноту свою, и с леопарда не сойдут пятна.

– Горбатого могила исправит! – по-простецки вставила Изевель.

– Однако, Изевель, на сей раз муж твой был не одинок. Верно, Ахав? – обратился Иошафат к задремавшему царю Израиля, – мы воевали вместе, и мощь наша умножились!

– Я спросил Иошафата, – собравшись с силами, выговорил Ахав, – пойдет ли он со мной на войну, и ответил мне так царь Иудеи: “Как ты – так и я, как твой народ – так и мой народ, как твои кони – так и мои кони!” И у меня потекли слезы из глаз, и я обнял за плечи доблестного Иошафата, вот как сейчас это и делаю, – и Ахав попытался повторить жест благодарности союзнику.

– Мы – единое племя! – торжественно провозгласил владыка Иудеи, легонько отстраняя царя Израиля, – нам жить, страдать и бороться вместе! Враги наши не угомонятся вовек. И тебе, Йорам, и тебе, юный Ахазья, придется много воевать и с Ашуром, и с Дамаском. И на долю потомков ваших выпадет довольно битв с соседями всех родов, и будет так до прихода Спасителя. Много крови прольется, и несчетно

святых душ переселится в рай!

3

Рассказы отца Аталья слушала рассеянно, предаваясь собственным раздумьям, а хмельная речь Ахава мерно шуршала позади мыслей ее. Она размышляла о людях вокруг, но больше всего думала о себе самой. С отрочества занимали ее головоломки любви: “Кто меня любит? Мать с отцом, муж, сын, еще кто-то? А я люблю их? И знают ли они о существовании любви? Сама-то я не обделена умением любить? Может, любовь – пустая придумка, звонкое слово, ходячая монета?”

Отроковицей Аталья была уверена в горячей любви своей к отцу и к матери. Нынче молодая женщина честно признается себе, что для родителей мало тепла осталось в сердце ее. Когда появился на свет Ахазья, а царский лекарь уведомил, мол, из-за порчи в чреве не судьба ей снова понести, она поклялась затопить любовью единственное чадо. Теперь молила богов, чтоб навек сохранили в ее душе место для сына.

“Видно, природа одарила меня разумом щедрее, чем нежными чувствами, – без сожаления думала Аталья, – вот и славно! Недоброе, жестокое поприще я вижу вокруг. Жадность до власти, золота и почестей. Холодный расчет и коварство. Реки крови и море лицемерия. Я живу в этом мире, иного не будет, и в согласии с ним должна пройти свой путь”.

Аталья с почтением подумала об отце. “Он не обижал мать, она у него единственная женщина, и Бен-Адар напрасно рассчитывал пополнить свой гарем – не было и нет у отца наложниц. Ахав честен, не в пример мужу Йораму.” Может быть, узаконенная неверность супруга и самодовольство мужскою силой и положили начало разочарованиям Атальи?

В юности Аталью умиляла любовная гармония меж родителями. Но когда повзрослела, донесли ей, что отец женился на матери с намерением политическим. Взял в жены дочь царя цидонского во имя торговой выгоды и ради замирения с соседом. Удача повернулась лицом к царственной чете, и пришла любовь. Да ведь это случай! Увы, счастливый жребий не выпадает дважды одной семье. Выданная с расчетом, Аталья познала ревность – и только. Братание двух государств, Израиля и Иудеи, она не приняла взамен девических мечтаний о любви, а чудо Изевели и Ахава не повторилось.

Мысленно блуждая в труднопроходимых дебрях добра и зла, Аталья заключила как-то раз, что ежели обретение выгоды сопряжено с грехом, то раскаяние, пусть случится такое, не осветлит, а замутит душу. “Вот, скажем, – вспоминает Аталья, – мать приказала старейшинам вершить неправый суд над Навотом, дабы завладеть его садом, а отец намеком молчания подстрекнул жену к злему делу. Потом оба угры-

зались, и каждый всю вину на себя брал, и даже не воспользовались они несправедливо обретенной землей – а толку ничуть! Былое чувство меж ними омрачилось, и подозрительность взаимная тут как тут!”

Не спросивши Аталю, отцы сосватали ей Йорама. “Намерения у царей благими были – это ценить надобно, – размышляла она, – ведь жертвенное замужество мое – мира залог!”

Прежние правители, хоть Израиля, хоть Иудеи, умом-то понимали, что негоже с родичами воевать, а шип властолюбия колот сердца, и никак не удавалось истребить крамольную мысль, мол, недурно бы объединить оба царства под одной короной. А ведь это означало бы войну братоубийственную!

“Честь и хвала взошедшим на престолы Ахаву и Иошафату – отыскали решение труднейшей задачи – равноправный союз заместо объединения!” – подумала Аталья.

Аталья любила мир – воплощение здравомыслия, и презирала войну – исчадие абсурда. Не оттого ли сердце ее благоволило женской мягкости и благоразумию и отторгало мужское дикарство и безумство?

Охотница до наблюдений, она замечала, что нет на земле ни белого, ни черного, а только всё переменчиво, а в добром всегда сыщешь злое и наоборот, ибо всяк на свой локоть мерит и вместе прав и неправ. Она искала и находила подтверждения своим мыслям.

“Ахав – иудей, – рассуждала Аталья, – женился на Изевели, а она язычница неисправимая. В награду за их смелость благодать мира воцарилась меж Израилем и Цидоном. Но мир сей родил войну. Исступленные пророки израильские проклинают мать, а отца корят за отступничество от Бога и грозят ему карами небесными, того и гляди к речам мечи прибавят. Жрецы богов материнских хоть и терпимее пророков, но народ свой заперли в темнице суеверий. Что черное, что белое? Где доброе, где злое?”

Аталья была изрядно предубеждена против поклонения и Богу и богам, и подозревала жестокость, лицемерие и корысть в служителях веры. А те в свою очередь неустанно твердили, мол, безбожники обречены на неведение, и, стало быть, несчастны. Пока не решила для себя Аталья, которые из них – пророки или жрецы – опасней и злотворней.

Глава 4 Не всё по горю плакать

1

Как человек праведный и богобоязненный, Иошафат, царь Иудеи, придал чрезвычайное значение судьбоносной

семейной дате – вступлению внука Ахазьи в возраст совершеннолетия. “Тринадцать лет – пора отвечать за свои поступки перед верой отцов!” – строго изрек Йорам, отец виновника торжества. “Он теперь и жениться вправе!” – заметил Иошафат, потрепав по плечу Ахазью и подмигнув Аталье.

Нарядившийся в праздничные одежды, поздравлял и напутствовал Ахазью первосвященник храма. Дворцовая челядь сделала сбор и преподнесла принцу лук, стрелы и меч. Отец подарил сыну отлично выезженную кобылу четырехлетку. Она заменит низкорослого жеребца, верно служившего мальчику в ту пору, когда он только обретал сноровку верховой езды. Нынче юноша уверенно держится в седле, метко стреляет из лука, да и с мечом управляется недурно. “Хороший вырастет рубака!” – говорят знатоки.

Воистину царский дар пожаловал будущему воину дед Иошафат – боевую колесницу, что помчит будущего героя навстречу победам. Расписана она, разукрашена, раззолочена, а, главное, добротна и прочна – сносу не будет! Иошафат доверительно сообщил Ахазье, что второй дед уже в пути и везет из Шомрона кое-что интересное.

Святая Иудея – не беспутный Израиль. Посему пророки, царем призванные на торжество, наставляли Ахазью не толь-

ко на ратный труд, да на защиту границ и расширение оных, но и на служение Богу единому и соблюдение заповедей Его.

Аталья невольно вспомнила, каким неприметным было празднование в Шомроне совершеннолетия брата Ахазьи. Не любившая иудейские обычаи, Изевель не устроила пышного торжества. Сыну Ахазье выпало больше удачи и подарков, и сердце матери радовалось. “Чем ублажить мальчика? – думала Аталья, – пожалуй, преподам ему грамоту. Когда-то мать меня выучила, а я сыну факел передам. Пусть в царском доме хоть один вояка умеет читать и писать!”

2

Искры семейных торжеств гаснут, и возвращаются радостные и жестокие военные будни царей. Победы не насыщают, а поражения не отчаивают. А найдись монарх иной природы – и будут на белую ворону пальцем показывать. Бен-Адар, владыка Дамаска, в согласии с сим неписанным законом государей, вновь поднял венценосную голову и вызвал на бой Ахава, верного узника того же цепкого обычая. Теперь царь Израиля сражался не в одиночку – к нему поспешили на помощь союзники из Иудеи – Иошафат с сыном Йорамом. Они двинули войска на Рамот-Гилад, где ожидались бои.

Миновал месяц, и горькая весть ранила Аталью в самое сердце: доблестный Ахав погиб. Аталья и сын Ахазья тотчас

отбыли в Шомрон – взглянуть на свежую могилу отца и деда и поплакать.

Изевель и Аталья обнялись безмолвно – к чему слова? Рядом с недавно насыпанным холмиком земли стояли мать и дочь, тесно прижимались друг к другу, проливали горькие слезы. Безутешна Изевель. Забылись никчемные раздоры, и лишь для воспоминаний о сладких днях счастья осталось место в побелевшей голове вдовы. Сокрушалась Аталья. Зашевелились сожаления в душе сироты – ведь охладела она к отцу в последние годы.

Простые безыскусные мысли приходили на ум Изевели. “Случайность ли гибель Ахава? – размышляла она, – или исполняются поганые предречения пророка Эльяу? Сей лиходей иудейской веры и мне посулил страшную смерть. Усердный труд свой приспешники его поставили на службу мести. Я ненавижна им за богов моих, а Ахав – за любовь ко мне...”

Глядя на скорбящих женщин, томились мужчины – хотелось поскорее покинуть могилу, покончить с неловкостью, вернуться под сень дворца слоновой кости, не думать о вечном, отдаться, наконец, зову дня. Надо поспешать в этой короткой жизни, увеличивать елико возможно свое место под солнцем – занимать свободное, а то и освобождать занятое. Второе куда как слаще.

Старший сын усопшего героя коронован. Теперь Ахазья царь Израиля. Уже решено, что узы ратного братства с Иошафатом останутся прочны, как и прежде, и союзники продолжат старые войны, и новые начнут по мере сил и при содействии небес.

Продолжили кручиниться в саду. Словно вернувшись в детство, Аталья принялась разглядывать изукрашенные слоновой костью стены дворца и невольно залюбовалась узорами, вырезанными на желто-белых бивнях. Изевель тихонько подошла сзади к дочери, как в давнюю пору погладила ее по волосам, потом тяжело вздохнула, отерла ладонью свои красные заплаканные глаза и, сказавшись больной, поднялась к себе в опочивальню. С уходом язычницы Иошафат испытал облегчение и принялся излагать историю последнего подвига Ахава.

3

– Мы с сыном моим Йорамом, твоим верным мужем, – бросив взгляд на Аталю начал рассказ Иошафат, – привели армию в Рамот-Гилад на подмогу Ахаву. Я твердо заявил ему, что еврейским царям негоже не заручиться перед боем благословением пророков. И он как будто согласился со мной и созвал целых четыре сотни таковых.

– Не пересилил ли ты волю отца, Иошафат? – спросил

брат Ахазья.

– Нами одна сила правит, – возразил новому союзнику Иошафат, – это есть воля Бога нашего! Предсказатели дружно, как один, нагадали нам победу и благословили на битву. Не пришлось мне по вкусу такое единодушие, и я заподозрил, что это лжепророки дурачат нас, и призвал другого человека. А Ахав был недоволен моим выбором.

– Но что сказал ты пророку, к которому не лежало сердце отца? – спросила Аталя.

– Я предупредил его строго-настрога, чтоб только слово Бога звучало в устах его, и запретил прибавлять или убавлять. И изрек человек: “Если вернется Ахав невредим из боя, значит лжец я, и не Господь говорил через меня!”

– И после столь страшного пророчества вы решились воевать? – заломив руки, вскричала Аталя.

– Разгневался Ахав на человека моего, а своим угодникам поверил, – сохраняя хладнокровие, ответил Иошафат, – и от схватки с Бен-Адаром я не мог удержать его, и мы сражались вместе. Но все же не пренебрег Ахав остережением, и поверх царских доспехов натянул на себя немудреную обмундировку рядового ратника. “Не хочу быть желанной мишенью вра-

га!” – сказал он.

– Позволь, Иошафат, я объясню, почему отец так сказал и так поступил, – вмешался брат Ахазья, – загодя я направил в лагерь врага лазутчиков, и они донесли, что Бен-Адар замыслил убить царя Израиля и приказал своим лучникам целиться в него и ни в кого больше – пока не падет замертво.

– Молодец, Ахазья, – похвалил Иошафат, – но военная хитрость, хоть и хороша, но, не в пример телу смертного человека, неуязвимо внушенное Господом слово истинного пророка. Лучники Бен-Адара поначалу приняли меня за Ахава, и посыпались в мою сторону тысячи стрел.

– Ты тоже герой, дедушка! – воскликнул сын Ахазья.

– Воинский долг обязывает не страшиться опасности, – скромно возразил Иошафат.

– Не удивительно, что Бен-Адар хотел во что бы то ни стало убить отца, – с горечью заметила Аталья, – ведь прежде благородный родитель мой пощадил поверженного владыку арамейского. А тому невмочь было терпеть живым благодетеля своего, платить же мезью за милость принято у людей!

– О, Аталья, я слишком почитаю неожиданные толкова-

ния твои, плоды глубокого ума, чтоб возражать на них – сказал Иошафат, – но противопоставлю им простую веру, мне доступную. Поэтому я повторю, что от подлинного пророчества хитрость не спасет. Так ли, эдак ли, но настигнет грешника заслуженная кара. Один из вражеских воинов натянул лук и послал случайную стрелу, и вот она протиснулась меж швов железных лат и смертельно ранила Ахава.

– Почему ты назвал отца грешником, почтенный Иошафат? – с неудовольствием спросил брат Ахазья.

– Прошу не гневаться, мой юный союзник, – примирительно ответил царь Иудеи, – но Господу не угодно было тяготение Ахава к богам языческим и его нетвердость в вере иудейской. Да и незаконный суд над Навотом не забыл наш Бог.

– Отец! При всем при том Ахав – истинный герой, и таковым его запомнит народ наш! – вступил в разговор муж Йорам, – я хочу, чтобы достойная моя супруга Аталья и сын Ахазья узнали о последних часах жизни доблестного царя Израиля. Он пренебрег тяжелой раной и отказался покинуть поле боя. Истекая кровью, царь командовал сражением до вечера, и мужество его передалось солдатам, и армия выдержала натиск арамейцев. С заходом солнца Ахав скончался.

– Вы – отпрыски достойного отца и должны гордиться им! – охотно добавил Иошафат, обращаясь к Аталье и братьям Ахазье и Йораму, – и пророк, что молвил слово Бога, предрекая гибель Ахава, великодушно просил помнить, как покойный монарх почитал Тору, а знатоки Писания кормились щедротами его стола, и хоть склонялся Ахав перед идолами, а все же детям своим дал еврейские имена, да и в преступлении против Навота он покаялся!

– Но все же отец печально окончил свой жизненный путь! – горестно заключил брат Ахазья, – земные деяния Ахава скрупулезно разобрал суд небесный, и на весах правосудия чаша с прегрешениями перетянула чашу добрых дел. Увы, не удостоился царь и герой места в раю...

4

Помянув отца и деда, вернулись в Иерусалим Аталья и сын Ахазья. Отрок вновь предался упражнениям, приготавливая тело и ум к предстоящим войнам. Утрата родителя опустошила душу осиротевшей дочери, и думы о жизненных путях Ахава и Изевели врывались в порожнее пространство.

Случился короткий перерыв в войне, и муж Йорам с отцом воротились в столицу Иудеи. Важную новость сообщил Иошафат невестке Аталье. Решено меж царями-союзниками совместно строить флот в заливе Эйлат.

“Слушай меня, Аталья, – торжественно произнес Иошафат, – в давние времена, когда правил страню славный царь Шломо, прислали данники своему владыке корабли и людей, знающих море. Шломо добавил рабов и снарядил флот в сказочную страну Офир, и привезли мореходы царю четыреста пятьдесят талантов золота. И наш великий предок украсил храм и дворец свой!”

“А теперь мы с братом твоим Ахазьей, монархом Израиля, сговорились возводить суда, дабы доставлять из Офира золото и самоцветы. Мы станем обменивать сокровища на колесницы, боевых коней, мечи и щиты. Надежно обороним рубежи наши, и новые земли присовокупим к ним!”

Впервые после смерти отца Аталья возрадовалась. Славное ожидается пополнение казны! Не так военные проекты увлекли ее, как надежда повернуть ум свекра в мирную сторону. “Нет на свете дум безобиднее, чем мечты о сокровищах, – размышляла она, – а ведь бедна полюбившаяся мне Иудея! Поля конницей вытоптаны, сады не орошаются, в колодцах трупы животных гниют, каналы песком замело, чернь разлилась. Войны разоряют, а побед пожива не обогащает. Иошафат хоть и стар, но родятся здоровые мысли под короной. Дай ему Бог до ста двадцати жить и царствовать! На мужа Йорама уповать – дело зыбкое, заладил бык упрямый, мол, благоденствие не трудом, а мечом добывают”.

“Какое счастье быть царем! – подумала Аталья, – простой люд – что он видит и может? Работа до пота? Где родился – там и сгодился? Умрет подъяремный и не узнает, как мир велик и разноцветен. Откуда радости его? От желудка да от срамных мест! Другое дело – монарх. Собственной жизни хозяин. Задумали брат Ахазья и Иошафат корабли строить – так и сделают! Порешили сокровища добыть – никто не остановит! Богатством упрочается власть, и, окрепнув, власть прибирает к рукам богатство! Вот только где она, страна Офир? Верно, разнюхали уже, коли плыть туда вздумали!”

В давние времена простые мореходы знали путь в чудесный край. Нынче спорят ученые мужи: одни говорят, что земля эта расположена в Индии, другие уверяют, будто находится она в Аравии, а третьи доказывают, мол, Африканский Рог осчастливлен страной Офир. Совершенные фантазеры указывают на Атлантиду. Дальновидно поступили мудрые древние землеведы, не открыв алчным потомкам место упокоения сокровищ. Ради нашей пользы старались. Пусть мы не знаем где, зато уверены, что есть.

Глава 5 Гни дерево, пока гнется

1

Старшего поколения естественный уход не делает в душе переворота. Свои и детей горести не в пример сильнее жа-

лят и терзают сердце. Затянулась рана от гибели отца, но не могла забыть Аталья злое и меткое предсказание ясновидца, призванного Иошафатом. И не похвалы последнего, а его упреки Ахаву засели в памяти Атальи. Безжалостно открытые слова матери о страшных угрозах пророка Эльяу охладили кровь. Изевель назидала дочку пуще огня стеречься самой и беречь сына Ахазью от лиходейства исступленных ревнителей веры.

Страх упрочился в сердце Атальи: она хоть и дочь Ахава, царя Израиля, но не иудейка, ибо Изевель – уроженка языческого Цидона. “Стало быть, – размышляла она, – и я удостоюсь ненависти вещателей. Волк пугает зубами, бык – рогами, а пророк – словами. Грозить есть дело бабье. Однако не простят мне, что верна я матери и терпима к богам ее!”

Казалось Аталье, что враждебный мир запустил когти в душу ее. “Что испытала и испытую я? – спрашивала она себя, – сватовство без спросу, холодность мужа и гарем его, смертельное пророчество отцу, топор палача над головою матери, тупая ненасытность монархов, нетерпимость пророков, ненадежная мягкость жрецов. Чтобы обезопасить себя, надо стать своей среди чужих – быть фальшивой, жестокой и алчной”.

Как покажет грядущее, лишь отчасти удастся Аталье ис-

полнение программы. Выучившись лгать, не вполне привыкнет она поклоняться Богу или богам. Пророки и жрецы останутся для нее загадочными фанатиками, а пропагандисты веры – корыстными честолюбцами. “Они смертью угрожали монарху за благоволение истуканам деревянным, – рассуждала она, – а разве убиение царя не есть идолопоклонство?” Впрочем, сравнительно веротерпимое язычество казалось ей меньшим злом.

Аталья не любила никого, кроме себя и сына Ахазьи. Тем не менее она испытывала слабость к седобородому Иошафату. В разумных речах царя она различала признаки внимания к несовершенному устройству государства и желание перемен в Иудее. Золото страны Офир сулило переворот, и она раз за разом наводила старика на эту мысль. Благие намерения Иошафата заслоняли для Атальи его чрезмерное религиозное рвение.

Со своей стороны монарх также весьма охотно вступал в рассуждения с головастой и равнодушной к делам отечества невесткой. Вечерами, когда муж Йорам и сын Ахазья упражнялись на удаленном от дворца ристалище, Иошафат с Атальей усаживались у очага и подолгу беседовали, не рискуя наскучить друг другу.

В доступных нам исторических источниках не содержатся

сведения о характере конечного пункта, к которому привели разговоры у огня, а за отсутствием письменных свидетельств мы не станем измышлять праздные спекуляции. Лучше обратим внимание на тот бесспорный факт, что бдительный и праведный Иошафат обеспокоился вольнодумными суждениями Аталы, порой слетавшими с ее уст. Он почел за благо пока не поздно прибегнуть к воспитательной помощи храмового первосвященника.

2

В канун субботы Иошафат пораньше явился в храм с семейством, и Аталья заняла место в помещении для женщин. До начала торжественной процедуры царь попросил аудиенции у первосвященника Одеда.

– Мир тебе, премудрый Овед! – приветствовал Иошафат высшего духовника, как раз облачавшегося в субботние одежды.

– Мир всем нам, и возблагодарим Создателя, даровавшего иудеям святую субботу! – ответил Овед и, усевшись на скамью, пригласил Иошафата сделать то же самое.

– Аминь! Будь добр, Овед, выгляни в окно! Зришь ли ты молодую телицу во дворе?

– Великолепная огнепалимая жертва Господу – воистину

широка твоя царская натура, Иошафат!

– О, прозорливый Оед! Желание мое, чтобы беспорочная животи́на сия послужила не огнепалимой, но мирной жертвой. Взгляни, там громоздятся корзины с пресными лепешками и булками квасного хлеба, и всё сдобрено елеем!

– С помощью небес да будет так! Сейчас распоряжусь приготовить телицу к жертвоприношению и разделить мясо – лучшие куски Богу, нам, служителям Его – грудину, а прочее – твоей семье, Иошафат.

– Прошу тебя, Оед, все части, что не Господу, оставь для храмовой субботней трапезы, и пусть насытятся помощники твои и ученики пророков.

– Благослови, Всевышний, тороватого Иошафата! Не иначе, царь Иудеи нуждается в содействии скромного слуги Творца!

– По вкусу мне немногословная прямота твоя, пронизательный Оед. Имея столь прекрасный образец, я тоже буду прям и краток. Ты знаешь Аталю, мать Ахазы, которого ты благословил в день его совершеннолетия. Тебе известно, что она – дочь язычницы Изевели, вдовы Ахава. В речах ее порой мелькают взятые от матери небрежение к нашей вере и

влечение к идолам. Невестка моя весьма умна, и лишь беседа с просвещенным знатоком Писания спасет сбившуюся с пути душу.

– Тебя тревожат речи ее? В нашем мире слова не суть, помыслы важны. Однако одобряю богоугодное твое желание, Иошафат. Поговорю с Атальей. Я знаю как вернуть заблудшую овцу на прямую тропу.

– Подданные царств иудейского и израильского – одной крови и посему обречены на благодный мир. И лад Израиля с сопредельным Цидоном тоже всем на пользу. Однако, высока плата за дружбу с языческим соседом. Идолопоклонница Изевель развращает Израиль, втянула в круг порока Ахава, мир праху его, да и Ахазья, владыка тамошний, не тверд в нашей вере. Боюсь, возьмет Аталья от матери худое и скверной Иудею заразит.

– Я загляну Аталье в душу, державный Иошафат.

– Я привел ее с собой, она ожидает в помещении для женщин. После торжеств ты можешь говорить с ней.

– Плохо, что неиудейка вступила в святой в храм, земную обитель Бога нашего. Уведи ее. Я сам приду к ней в дом – найду предлог. И повод отыщу для беседы с твоею невест-

кой.

– Благодарю тебя, слуга Господа.

– Это – мой долг. Однако настало время жертвоприношений, молитв и пения гимнов. Мир тебе, Иошафат.

– Мир всем нам, и возблагодарим Создателя, даровавшего иудеям святую субботу!

3

Одед обдумывал предстоящую беседу с Атальей. “О чем мне говорить с ней? – спрашивал себя первосвященник, – пробиваться к сердцу, взывать к разуму, срывать покровы, открывать глаза? Как возражать находчивым ответам? Задача нелегка. Попробую влезть в душу к ней”.

“Казалось бы, что убедительнее деяний пророков? Но от матери Аталья осведомлена о сем предмете, возможно, слишком. Изевель враждебна нам, могла и дочь склонить к неприязни. Однако, отрезвляюще полезен взгляд недруга. Глазами зложелателя увидеть вещи – на пользу мне пойдет. Проведать всю правду и не отшатнуться может только свой, каковым я и являюсь, и потому моих воззрений твердость нерушима. Это для чужого неверный шаг противной стороны – желанная находка. Помнить: Аталья привязана к матери и солидарна с ней. Не уязвить бы ненароком дочерних

сантиментов! Что ж, в бой пора, уверен, не в последний!”

– Мир тебе, Аталья! – приветливо улыбаясь, произнес Оded, входя в дом.

– Мир тебе, Оded! – не менее дружелюбно ответила хозяйка и жестом пригласила гостя сесть.

– Благодарю! – сказал Оded, широко распахивая дверь комнаты и усаживаясь.

– Что привело ко мне столь важного визитера?

– Мне, человеку книжному, духовное общение необходимо. Иошафат не раз упоминал о светлой твоей голове, называл умной женщиной.

– Прости за откровенность, Оded, но неприятны мне слова “умная женщина”. Усматриваю в них скрытое пренебрежение к моему полу. Слово обладающая умом женщина есть исключение, а мужчины умны как правило. Мой опыт этого не подтверждает.

– О, прости, Аталья, видит Бог, меньше всего я хотел тебя обидеть! – воскликнул гость, сердясь на себя за неудачное начало разговора, – каковы успехи отрока, коего благословил

я?

– Сын Ахазья здоров, слава богам! – произнесла хозяйка и с удовлетворением заметила пробежавшую по лицу гостя тень.

– На устах твоих боги, а не Бог? Жаль! Однако оставим это. Есть новости из Шомрона? Как правит брат Ахазья?

– Отменно. Строит с Иошафатом флот. Они намерены направить корабли в страну Офир за золотом – оно необходимо нашему оскудевшему краю. Да помогут царям боги!

– Я рад, Аталья, что ты небезразлична к новой для тебя родине!

– Небезразлична? Да я полюбила Иудею! Не сомневаюсь, умный мужчина Иошафат сумеет найти полезнейшее применение сокровищам.

– Безусловно! И изрядную долю ценностей сей праведник употребит на приращение духовности народа. Ведь это важно, не так ли, Аталья?

– Возможно. В части духа и веры я полагаюсь на твое разумение, Овед. В предмете этом я не сильна.

– Ну, коли так, мой долг просветить питомицу нынешнего монарха и воспитательницу будущего помазанника. Пожалуй, для примера я поведаю тебе о пророке Эльяу, воодушевляющим сынов Авраама, Ицхака и Якова. Ты, разумеется, кое-что слышала о деяниях Эльяу.

– Да. От матери и от отца, мир праху его. Новый взгляд полезен. Я вся внимание, Одед.

– Вот история истинная, не байка. Случилась в Израиле многолетняя засуха, и скудны были плоды земли. Как-то раз в эту лихую пору Эльяу брел по дороге, и опустел заплечный мешок его, и голод и жажда одолевали путника. Пророк постучал в двери дома, что стоял на отшибе. Ему открыла женщина с ребенком на руках. Он сказал, что впереди у него долгий путь, и нечем подкрепить силы. Женщина вынесла ему воды, но поесть не дала. Оправдалась, мол, вдова она, и нет добытчика в семье. А если поделится едой, то оставит без куска себя и дитя. Тут изрек Эльяу вещие слова: “Пока засуха свирепствует, обещаю тебе, добрая женщина, мука в кувшине твоём не иссякнет, и масло во фляге твоей не убудет!” И поверила вдова, и покормила пророка, и вышло по его слову, и не знала она бесхлебицы! Только тот пророчит истинно, чьими устами Бог говорит!

– Выходит, предвидел Эльяу конец напасти, должно быть, и начало ему открыто было. Прорицает без промаха, и пророчества его сбываются. Уж не он ли наслал бедствие? – заметила Аталья.

– Настанет время, и отвечу на пронзительный вопрос твой. А пока выслушай другой правдивый рассказ. Как-то заспорили Эльяу и Ахав. Первый сказал, мол, только иудейский Бог истинный, и он же единственный. А второй заявил, дескать, и языческие боги существуют и тоже силу имеют. Ахав созвал жрецов-идолопоклонников, что были на попечении у него, и велел им соорудить алтарь. А поблизости Эльяу возвел свой каменный жертвенник. Каждая из сторон возложила на воздвигнутую ею постройку приготовленное для сожжения животное. Эльяу сказал Ахаву: “Если хворост разгорится сам собой, стало быть, дар принят небесами. Вспыхнет пламя под твоим алтарем – твоя правда, а под моим – я прав”. С утра до вечера выкрикивали заклинания и плясали вокруг своего жертвенника идолопоклонники – и не возгорелся огонь. Тогда Эльяу сотворил молитву Богу, и затрещали сухие ветки меж камней, занялись жаром, запылали – принял Господь жертву пророка! Поучительный рассказ, верно, Аталья?

– Поучительно его продолжение, мною от матери слышанное. Празднуя победу, могучий Эльяу самолично зарубил

мечом ни много ни мало четыреста пятьдесят незадачливых языческих жрецов. А потом он накликать облако над морем, и оно обратилось в тяжелую тучу, и хлынул дождь, и пришел конец засухе. Не здесь ли, Оед, кроется ответ на мой пронзительный вопрос?

– Вопрос оставлю в стороне, но правоту твою отмечу: Эльяу порой бывал немилосердно жесток в священном рвении своем. Потому Господь наш, Бог единственный и истинный, однажды строго призвал его к себе. Заговорил Он с ним оглушительным голосом тонкой тишины, голосом, коим только Всевышний наделен, и повелел пророку Эльяу назначить себе в замену Элишу. О нем мы поговорим в другой раз.

– Я благодарна тебе, Оед, за поучительную беседу, надеюсь, не последнюю.

– Благодарю и тебя, Аталья. Лишь умным людям дан талант чужие мнения терпеть. Мне пора возвращаться в храм вершить службу. Мир тебе.

– Мир тебе, Оед, – закончила разговор Аталья.

У храма Иошафат поджидал Оеда. Царю не терпелось услышать от первосвященника впечатления о беседе с Атальяй. “Ум твоей невестки остер и колюч, – сказал служитель

Бога на земле, – я заподозрил, что она не только в Господа нашего не верует, но и языческих богов не привечает. Не окончены наши с Аталей диалоги. Пока приставлю к ней духовного наперсника. Им будет верный мой помощник Матан. Жаль, что устои Иудеи не одобряют женское правление в государстве. Иначе полезнейшего министра ты имел бы!”

Глава 6 Благодатные перемены

1

Весьма раздосадовалась Аталья, получив в лице Матана духовного пастыря. “Умалается доверие мое к Иошафату, – сердито размышляла она, – похоже, святоша сей задумал заточить свободу ума моего в темницу нетерпимой веры. Не иначе, он и подослал ко мне первосвященника Одеда с его проповедями, а тот перепоручил меня Матану. Впрочем, просвещенный Овед не противен мне, почти приятен. Наберусь от него кой-чего!”

С первой же встречи Матан не понравился Аталее. “Личность льстивая и наглая одновременно, – заметила она себе, – к тому же буркалы его охальны и блудливы. Похоть не ведает стыда! Я принцесса Израиля и супруга наследника престола Иудеи, а этот авантюрист кто таков, чтобы глядеть мне в лицо, не потупляя взгляда? Да и в чем состоит роль его? Шпион, засланный Одедом в мой дом!”

Аталья постаралась разузнать о Матане как можно боль-

ше, ибо поступки знакомого вернее предсказуемы. Она расспрашивала людей с осторожностью, как бы невзначай, дабы не выдать своего интереса. Выяснила малую толику – скользкий и скрытный этот Матан. Истинные помыслы свои прячет за языкоблудием. Откроет на вершок, а утаит на аршин. Однако решила терпеть и недовольство не выказывать. Дружба с первосвященником может пригодиться. Одед послал соглядатая за ней присматривать, а она ненароком выведывает у ищейки полезные новости о храме, о дворце, о замыслах сильных мира, о казне, об интригах и о прочих важных предметах. Всё может сгодиться: не в тягость знание, зато половина ума в нем. Да и не глупей она духовника, умеет положить меду на язык хитрецу. Иной раз и Матан лишнее скажет, а слово упустишь – не воротишь. Двойной шпион на одном жалованье!

Матан любил расспрашивать Аталью о детстве ее, надеясь разговорить, пробуждая нежные воспоминания. Много интересовало его. Вытягивал, что рассказывала ей мать о деле Навота. А как мыслит сама Аталья о страшном грехе Изевели, да и Ахава тоже? Ведь родители ее корысти ради сперва оклеветали безгрешного крестьянина, потом развратили суд и, наконец, руками кривосудия казнили невинного!

А призналась ли Изевель дочери своей, как подослала убийц к молодым пророкам, ученикам Эльяу? А много ли

простых израильтян наведываются в языческий храм, что Изевель устроила в Шомроне? И еще Матан всегда искал случая покалякать с сыном Ахазьей. Все допытывался у отрока, чему мать поучает его?

Не сомневалась Аталья: слышанное и виденное в ее доме Матан передает Одеду. Она внушала сыну Ахазье, чтоб отвечал уклончиво благонамеренному послу первосвященника. Сама же не торопилась ронять слова – вперед думала, потом говорила. Оттачивала мастерство уст скрывать мысли. Почему не поучиться у духовника?

2

Целых два месяца Иошафат не навещал сына и невестку в их доме и не призывал молодых к себе во дворец. “Войны нет, – думала Аталья, – куда же старик запропастился? Муж Йорам ничего толком не может сказать. Может, хворь одолела монарха нашего, и скрывает? А то, каверзу какую замыслили? Или бес в ребро? Всякое случается. Беспокойно мне, однако!”

Тут явился первосвященник. Как положено, открыл во всю ширь дверь в комнате, уселся поудобней, заулыбался.

– Вижу тревогу на прекрасном лице Атальи, – заметил Оded, – какая причина взволновала чувствительное сердце?

– Где царь Иудеи? Куда пропал Иошафат? – выпалила Аталья.

– С государем благополучно, слава Богу. Надеюсь, волнение не навело тебя на скверные мысли о владыке нашем?

– Век живи, век надейся....

– Ценю бойкость языка. Кстати о находчивой речи! Я вспомнил о Матане. Довольна ли ты им? Поверенный храма стал ли поверенным твоей души?

– Воистину, спрошено кстати. У Матана и учусь краснобайству. Толковый духовный наставник. Муж любезный и располагающий. Тебе, Одед – спасибо за призор. Но, главное, я благодарю богов, хранящих нашего царя.

– Боюсь, не слишком успешен Матан, коль ты по-прежнему о богах твердишь...

– Уйдем со скользкой почвы, Одед. Я хочу знать, где мой свекор пребывает.

– Иошафат разъезжает по городам и весям Иудеи. Заходит в дома к землепашцам и мастеровым, к отставным солдатам и вдовам, к наймитам и рабам. Ты не веришь ушам своим,

Аталья? Я вижу изумление в очах твоих. Монарх странствует по дорогам государства ради великого дела!

– Да разве не во дворцах, а в хижинах вершат цари великие дела?

– Род деяний Иошафата особенный. Он несет простым людям слово Господа нашего – единственного и истинного. Он доказует маловерам никчемность поклонства идолам, уж извини меня за прямоту. Я придал ему две дюжины моих левитов храмовых. Они содействуют, но подмога их мала. Уж так чернь устроена: скупые слова воителя, венценосного к тому же, весомее премудрых речей книжника.

– Знаю. Меч почитают больше книги. Увы, не только в простонародье. Однако не возьму в толк, почему Иошафат паломничает тишком, без царской помпы?

– Причина негласности – скромность!

– Или сомнение в успехе...

– Да, твердый орешек достался Матану... Прими также к сведению, почтенная Аталья, что не только высокоость духа народного тревожит монарха. Об устройстве государства и его вещном достатке забота царя.

– Я верю и рада. Коль скромнен Иошафат и сдержан на слова, надеюсь услышать от тебя, Одед, что готовит нам владыка.

– Расскажу непременно. Рискую кольнуть шипами прошлого чувствительную память твою, Аталья, буду нелицеприятен. Преступный суд над Навотом, свершенный по воле твоих отца и матери, подтолкнул Иошафата к переустройству нашего правосудия, ибо алчет монарх уберечь от грязных пятен чистую совесть Иудеи.

– Неужто существуют средства, чтоб одолеть людскую подлость мерами законов и переустройств?

– Ты именуешь подлостью то, что иначе и назвать нельзя, и мне отраднo это слышать. А средства существуют! Иошафат разделил суды по старшинству, преступления – по тяжести, а кары – по строгости.

– В чем тут новизна? По моему простецкому понятию, ваша Тора уж давно прописала порядок вроде этого, вот только мерзость среди людей не убывает!

– Не перебивай, Аталья, – сердито заметил Одед, – и хотелось бы слышать из твоих уст “наша Тора”! Новизна же

состоит в практическом следовании, как ты выражаешься, “прописанному порядку”, а, вернее, заповедям Всевышнего. Кажется, известно тебе одно государство, нашему соплеменное, владыки коего не слишком почитали заветы Господа, и о печальных следствиях послушания высшей воли ты тоже знаешь. А теперь внемли! В деревнях устроены простые народные суды для разбора мелких тяжб. Старейшины там заправляют. Городские суды – государственные, и решения в них выносят люди, нарочно обученные закону и справедливости. Они решают дела крупные и наказания выносят строгие. А если деревенский истец усматривает пристрастие, то идет за правдой в город. Верховный суд заседает здесь, в Иерусалиме. Он трактует самые тяжкие преступления – против царя или веры – и, если требуется, выносит приговоры о лишении жизни. Два высших судьи возглавляют его, и к ним в советчики назначены коэны, левиты и наиболее уважаемые, то бишь самые богатые жители столицы.

– Прекрасно, что закону и справедливости специально школят. Выученность надежнее совести. Вот только как доглядеть за исполнением?

– Замечательный вопрос, Аталья! Наш монарх предусмотрел надзор и учредил особые боевые отряды охраны закона. Они – на щедром государственном корму. Следят, проверяют, доносят.

Муж Йорам и сын Ахазья вернулись домой после ежедневных воинских упражнений. Обогащались навыки меткой стрельбы из лука, отсечения головы единократным ударом меча, преследования спасающегося бегством противника и пленения его. Оставшиеся на поле боя солдаты восстанавливали поверженные чучела неприятелей, готовили бранное поприще для завтрашней тренировочной битвы. Народ, который учится, станет народом, который действует.

Проходя мимо открытой настежь двери парадной горницы, отец с сыном слышали задорный голос Атальи и наставительные слова Одеда. Не сговариваясь, воители переступили порог комнаты, и, утомленные ратным трудом, с приятностью уселись в углу и стали слушать занимательную речь первосвященника. Собеседники заметили вошедших и приветливо кивнули им.

Муж Йорам воодушевился рассказом Одеда о великих деяниях отца. Ему самому было что добавить, и он ждал удобного момента для вступления в разговор. Сыну Ахазье, беззаветно любившему мать, послышалось недовольство в тоне первосвященника, но огорченный отрок не решался вставить слово. Как только Овед похвалил Аталью и сообщил об учреждении Иошафатом боевых отрядов охраны закона, муж Йорам подал голос.

– Почтенный Одед, – воскликнул Йорам, – позволь и мне добавить кое-что важное о последних военных нововведениях. Отец разделил Иудею на области. В каждой из них собрано постоянное войско, и над ним назначен искушенный в бранном деле полководец. Люди цивильные – землепашцы, пастухи, мастера – обязаны поступить в ополчение и собираться под знаменами царя по его зову.

– Не прибыло пока золото из страны Офир, – критически заметила Аталя, – корабли не отплыли, да и не построены еще. Чем же жалованье войску платить?

– Для пополнения казны отец назначил в областях сборщиков налогов, – пояснил муж Йорам, – рьяные справедливости поборники станут делать справедливые поборы с богатых и зажиточных. Да и купцам, чьи караваны Иудею бороздят, придется раскошелиться.

– Утаиванию налогов положить конец – давно пора! – решительно заявила Аталя, – хитрецов лишь сила убедит. Хвала Иошафату! Присоединюсь-ка и я к славословию: владыка повелел создать в городах склады запасов воды и продовольствия – дабы не пухли с голоду люди в тяжелую годину недорода, да хранят нас боги от несчастья!

– Наконец-то я слышу от собеседницы моей слово одобрения, хоть оно и одето в шелуху язычества, – воодушевленно произнес Одед, – и я воспользуюсь моментом благости духа хозяйки дома, чтобы дать обещанный ответ на ее давний пронзительный вопрос – кто накликать страшную засуху на Израиль? Дело было так. Предвещал бездожде Эльяу, но не ведомо нашим мудрецам, чьей волей наслана беда – провидца иль самого Бога. Известно, однако, что испытание явилось карой израильтянам за великие их грехи, и один из них – убиение молодых пророков, учеников Эльяу. Не выбирая слов, скажу прямо: это Изевель вершила злодеяния!

– Позволь, многомудрый Одед! – остановила Аталья горячую речь гостя, – вместе с тобою мы признаём бесспорным, что Эльяу зарубил мечом сотни языческих жрецов.

– То было справедливой мстью! Мера за меру ей названье! – вскричал Одед.

– Боюсь, дело здесь иное. Как неведомо, кто наслал засуху, так и не доказано, что Изевель убивала пророков. Уж коли ретивые твои книжники не справились с желанным доказательством, то навряд ли обвинения против матери верны. Святые письма не разумеют под мерой за меру уничтожение вторым преступлением первого и самого себя. А если не было первого, то нам остается просто преступление, не так ли,

мудрейший Одед? Добавлю, что нелепо искать, который из тяжущихся наносить обиды начал первым – то безнадежная для здравого ума задача, темный тупик.

Первосвященник уж пожалел о том, что перевел в рискованное русло спорных мнений столь благоприятно и общесогласно завершавшийся разговор о добрых деяниях Иошафата. Поддержание духовного приоритета требовало оставить последнее слово за собой. “Не торопись, Аталья, – изрек Одед, – правда из земли произрастет. Но чтобы семени пустить побег – время требуется!”

Одед придал лицу значительное выражение, произнес слово прощания и с достоинством вышел. Муж Йорам почтительно смотрел ему вслед. Сын Ахазья с восхищением глядел на мать.

Глава 7 Заря грядущего

1

Привычным занятием молодой женщины Атальи были размышления о любви, неизбежно ведущие к раздумьям о двуногих тварях. Не все свои создания Господь наделил талантом вбирать в себя или отдавать ближнему эту невразумительную ипостась души, то бишь любовь. А о чем и о ком еще думать супруге наследника царского трона, обладательнице острого ума, не имеющей близких ей статусом товарок и окруженной властолюбивыми и алчными мужчинами, каж-

дый из которых монарх либо в настоящем, либо в будущем? В одиночестве ты сам себе компания честная, а споткнешься – и поддержать некому!

Аталья то вспоминала благостное детство в Шомроне, то перебирала события иерусалимской молодости. Она не могла не признаться самой себе, что с годами поблек дарованный ей Богом талант. Ребенком она любила отца, мать, братьев. Теперь же охладела к родне. И только обвинения против Ахава и Изевели воскрешали былые чувства. Кровная солидарность с беспристрастием не дружна.

Жених Йорам не завладел воображением юной девы, а дни и ночи супружества не добавили огня. Аталья пришла к заключению, что нрав ее холоден, но беды в этом не видела. “Все-таки на двоих моей любви хватает – на меня саму и на сына Ахазью!” – говорила она себе.

В последние год-два она заметила в душе странные шорохи. Аталья привязалась к Иудее, новой своей родине. Ей стали небезразличны землепашцы и пастухи, купцы и разбойники, ручьи и поля, башни и стены, бедность и злоба. “Да разве можно любить или не любить царство? – смеялась она над собой, – земля и обитатели ее – это ведь не дом родной, не семья, не мать с отцом. Если кто приголубит – не верь лицемерию, ибо чужие все. Любовь, коли случится, то меж

людьми, а не возникнет у человека к горам, лугам или озерам. Как это скучно – отчизнолюбие! Да и что сердцу до того, в каком оно краю стучит – везде воздух свеж, чтоб дышать, и солнце восходит светить и греть!” Дабы примирить хотение улучшений в Иудее с нелепой мыслью о любви к стране, она объяснила себе диковинное чувство понятными мечтами – украсить бытие, умножить негу, превзойти равных.

Хоть Аталья и частенько вспоминала свое невеликое годами прошлое, но природный дар рациональности неизменно поворачивал ее взгляд в сторону будущего. Чтобы преуспеть или по крайности уцелеть, следует готовиться как к реальному, так и к невозможному. Слишком часто гибнут цари, и меняется власть. Победы и крушения, пиры и голод, пышность и скудость, грабежи, коварство, измены, покушения, месть, кровь – борзые кони перемен. Аталья придумывала себе место и путь к нему в грядущем мире. Раз даже помыслила себя царицей и содрогнулась – чтоб ей взойти на трон Иудеи, любимый сын Ахазья, законный наследник короны, должен умереть раньше ее самой! “О, нет, этого не надо!” – с испугом отвергла она жестокое вероятие.

Аталья заметила, что жизнь ее течет неровно: доброе время сменяется худым, и вновь наступает перемена к лучшему, и так далее. Словно чередуются темные и светлые полосы на тигриной шкуре. Вслед за светлым детством явилось неми-

лое сватовство, потом пришла радость рождения Ахазьи, материнское счастье омрачилось равнодушием мужа Йорама, но отрада сыновних успехов превзошла печаль пресного супружества, а горечь в сердце по смерти отца сменилась сладким ожиданием золота страны Офир.

“Выходит, сейчас шагаю я поперек светлой полосы, – рассуждала Аталья, – стало быть, неизбежно вступлю на темную – ведь не переменит тигр шкуры своей. Слыхала подобное от Одеда, а он ссылался на кого-то из своих”. Аталья не хотела выглядеть в собственных глазах ученицей первосвященника, но пришедшие ей на ум слова его беспокоили душу.

2

Раз в месяц из Эйлата являлся во дворец к Иошафату начальник верфи и в присутствии мудрых министров докладывал монарху о продвижении кораблестроительных работ. Доставлены сосны и кедры. Привезены канаты и парусина. Нарезаются доски, отливаются железные якоря, выделываются весла, изготавливаются рули, устраиваются палубы, трюмы, каюты. Не покажутся лишними сотни луков и тысячи стрел. И вот уж набраны команды судов, привезены рабы-гребцы, запасены снедь и вода. Скоро суда будут готовы к пробному плаванию, после которого останется лишь устранить огрехи, и назначить срок отправления в землю Офир.

В дни прибытия начальника верфи Иошафат неизменно

призывал к себе во дворец неравнодушную сноху. Разумеется, Аталья была единственной женщиной, присутствовавшей на сих поголовно мужских собраниях. Она не только жадно внимала словам главного корабеля, но и иной раз задавала меткие вопросы, и даже решалась изредка подать совет. При этом Иошафат поощрительно кивал головой, судовой мастер благодарил за науку, а безглагольные дворцовые чины прятали в усах презрительные улыбки.

Первосвященник Овед не поощрял нахождение Атальи в среде мужчин. Он ставил на вид Иошафату прискорбный этот факт, всякий раз напоминая, что дела государственные не есть занятие для женского ума, хоть и светлого. Монарх отвечал в том духе, что, мол, всеведущ Бог и бесконечно милостив к грешным людям.

Мужские собрания у царя неизменно завершались знатным ужином, добрыми возлияниями и еще неведомо чем. Аталья благоразумно и вовремя покидала дворец и возвращалась в свой праведный дом. Ее не удерживали.

Брат Ахазья хоть и оплатил из своей казны половину цены постройки судов, не мог участвовать в обсуждениях у Иошафата, ибо занят был войною. Надобно заметить, что моавитяне, покоренные в древности героическими царями Давидом и Шломо, восстали, как только прослышали о без-

временной смерти Ахава. Поэтому наследовавший царство Ахазья вынужденно воевал с мятежниками, и полки дружественной Иудеи пособляли ему. Столь основательно погрузился новый владыка Израиля в ратное противостояние, что, к огорчению матери своей Изевели, даже не выбрал время для женитьбы.

Готовые корабли прошли испытание, и открывшиеся изъяны были устранены. Иерусалим и Шомрон предвкушали скорое отплытие флота. Но вот в один из дней трепетного ожидания в дом к Аталье примчался человек Иошафата и передал просьбу царя срочно явиться во дворец. Пустая физиономия гонца ничего не говорила ни о хорошем, ни о плохом. Но отчего же чаще забилося сердце Атальи, и спутались мысли, и побледнело лицо, и дрожь пробежала по телу?

Войдя в совещательную комнату дворца, Аталья к удивлению своему увидела брата Ахазью. Он расположился напротив Иошафата, рядом с которым примостился муж Йорам. Начальник верфи стоял тут же. Лица были мрачны. Аталья поняла, что случилось нечто ужасное, а состав присутствующих прозрачно намекал на источник беды. Она молча уселась на край скамьи и приготовилась слушать худые новости.

– Мы ждали твоего прибытия, Аталья, – начал Иошафат, – как первой энтузиастки экспедиции в стра-

ну Офир, дабы осведомить тебя о печальных событиях.

– Ночью приключилась великая непогода над Эйлатом, – заговорил главный корабел, – ветер набрал такую силу, что сломал мачты судов. Весла унесены водой, и уключины повреждены.

– А восстановить корабли можно? – вскричала Аталья.

– Вполне, но затраты будут велики, – ответил судовой мастер.

– Каковы они? – по-деловому осведомился Ахазья.

– Не меньше половины первоначальной цены, – последовал неутешительный ответ.

– Как некстати! – проговорил Ахазья, взглянув на Йошафата, – война с моавитянами опустошает казну!

– Я обращусь к матери, – воскликнула Аталья, – она возьмет займы у родителя своего, царя Цидона, отец не откажет любимой дочери! А золотом страны Офир покроем долг с лихвой!

– Не гоже нам одолжаться у язычников! – сурово произнес

Иошафат, сверля глазами Ахазью, – но дело в другом...

– В чем же? – вскричали одновременно брат и сестра.

– Ахазья! – возгласил Иошафат, – ты мне друг, родич и соратник. Внемли уму, а сердце успокой. Не золото Офира, а верность союзу Иудеи и Израиля всего важнее для нас, потомков Авраама, Ицхака и Якова!

– Будь добр, выражайся яснее, почтенный Иошафат! – нетерпеливо перебил Ахазья.

– Важный пророк, – продолжил Иошафат, – напомнил мне, что Изевель и Ахав творили злое в очах Господа, и посему неугоден Ему наш с тобой поход в страну Офир, и ждет нас там несчастье. А ураган сей – милостиво данный нам Всевышним знак остановиться вовремя. Прошу тебя, не гневайся, Ахазья. Не разрывай союз, ибо мир меж народами братскими – всего превыше!

– Ты прав, мой старший друг, – удерживая гнев, отвечал Ахазья, – нет ничего важнее мира. Но разве некому плыть кроме нас с тобой? Людей наших пошлем!

– О, Ахазья, не перехитрить нам Бога!

– Я согласен с отцом! – подал голос муж Йорам, решивший, что и ему следует сказать слово-другое.

– Иошафат, где раньше был твой важный пророк? – сердито заметил Ахазья, – сколько добра потрачено, и зря!

– А крушение надежд! – подхватила Аталья.

– Не нам, рабам Божиим, указывать Ему, – ответил Иошафат, – тебе же, умелый мастер, плата причитается сполна. Ты не виноват. Не возражаешь, Ахазья, расплатиться поврежденными судами?

– Пусть так, – уныло произнес Ахазья.

– Благодарю вас, щедрые монархи! – воскликнул корабел.

– Иошафат! – вскричала Аталья, не в силах более скрывать отчаяние, – ты внемлешь прорицаниям, ты впал в суеверие! Если это не язычество, тобою заклеянное, то что это?

Бессильные рыдания сотрясали хрупкое тело. Иошафат строго посмотрел на сына. Муж Йорам помог Аталье встать и увел ее домой. Цари Израиля и Иудеи пожали друг другу руки. Иошафат проделал это горячо, Ахазья – прохладно. “Я

пришлю тебе еще один полк в подмогу” – сказал старший младшему. Довольный исходом дела судовой мастер удалился восвояси.

3

“Конец надеждам на процветание Иудеи! – горевала Аталья, – вот каковы приверженцы единственного и истинного – на поверку-то они и есть худшие суеверы-язычники! Не будет золота из Офира – и задуманные Иошафатом перемены зачахнут. Не проложат новые дороги, не подведут водоводы к садам, не разработают каменоломни, не построят простолюдины добрые дома, да что и говорить...”

“Иногда они правы, однако. Байка про тигровую шкуру до сих пор казалась верна. Я покинула светлую и ступила на черную полосу. Только бы она узка была. Или новой беды ждать?” – гадала Аталья.

Брат Ахазья тяжело переживал неудачу. Он, как и сестра, воцарился в стране Офир. Только не для мирных заветей желал он сокровищ, но военную силу свою хотел укрепить. В тайне души мечтал обходиться без помощи Иудеи, хотя важность союза с единокровным царством признавал. Теперь же скрепя сердце и с выражением благодарности принял от Иошафата подкрепление.

Вернувшись из Иерусалима во дворец Шомрона, он поду-

мал, что недурно бы немного отдохнуть от бранного труда, поклониться могиле отца, утешить мать, обсудить с братом Йорамом, как успешнее вести моавитскую кампанию.

Печально завершился один из диспутов на ратные темы. Нетвердым шагом ступали братья Ахазья и Йорам, покидая обеденную горницу и направляясь в свои опочивальни. Проходя мимо приоткрытой оконной решетки, Ахазья зацепился за нее широким рукавом исподней рубахи, и стал терять равновесие. Погруженный в думы Йорам не сразу заметил затруднение брата и опоздал протянуть руку помощи. Бедный Ахазья выпал из окна, обеспамятел и лишь наутро очнулся. Переломаны кости, тупая утробная боль туманила мозг.

Слезы отчаяния катились по щекам страдальца. “Неужели это конец? – думал Ахазья, – я мало жил, коротко царствовал, по пальцам перечесть убитых врагов, любви не знал и наследников не оставил!” Безднадежности вопреки он зывал лекарей, отправлял одного за другим гонцов к всеведущим прорицателям – алкал слов надежды. Корил себя: “Несчастье свое на дне кружки нашел. Воистину говорят, больной от могилы бежит, а здоровый туда спешит!”

Не спасли молодого монарха ни костоправы, ни лекари, ни снадобья. Умер бездетный Ахазья. И надел корону млад-

ший сын Ахава. И выходит, что Аталъин муж Йорам, как и прежде – наследник престола Иудеи, а брат Йорам стал царем Израиля.

4

И вновь Аталья в Шомроне, опять плачет у свежей могилы, обнимает несчастную мать. Поседела голова Изевели, морщины избороздили лицо, горе застыло в глазах. За год потеряла мужа и сына.

– Где слезы твои, матушка? – вопрошала Аталья.

– Еще увидишь их, дочка. Они всегда со мной... – отвечала Изевель.

– Я тоже страдаю, я лишилась брата...

– О, Аталья, сын больше, чем брат!

– Не будем мерить, матушка, чье горе глубже!

– Пусть сжалятся над тобою боги, чтоб не познала ты разницы... Своего Ахазью береги!

– Да будет по слову твоему!

– Сына потерять – велико страданье, а знать, что сын утра-

тил жизнь – тысячекратно горько! Милостивая природа назначила отцу с матерью уходить вперед детей, но жестокая судьба перевернет закон, и невыносимо больно видеть мертвое чадо. А вот и слезы...

– Ахазья повредился волей случая, но сдастся мне, матушка, что умер он не случайной волей.

– Ты проницательна. Это Эльяу, безжалостный гонитель семьи нашей, пророча, накликать смерть первенцу моему.

– Пророчество – всего лишь уст деянье. Разве можно причинить смерть словами?

– Сбывается зло речей пророков иудейских. Должно, имеет колдовскую силу божество, что покровительствует им. Так умер твой отец, теперь брат, я – скорое звено в цепи их лиходейств...

– Да хранят тебя боги, матушка!

– Он так хотел жить, мой мальчик! Безмерно мучился. Знал вещую силу слова Эльяу и трижды ходатаев отправлял – заступничества просить. Первых двух посланников пророк сжег огнем, не выслушав. А третьего пощадил и наказал передать Ахазье, что не придет исцеление, а постель станет

смертным одром ему. Вышло по слову Эльяу.

Настало время Аталье возвращаться в Иерусалим. Она поцеловала постаревшую, сгорбившуюся мать, обняла брата Йорама. Тяжело начинается царствование его – продолжать войну с непокорными моавитянами.

5

Тянулись дни траура. С утра до вечера Аталья сидела в горнице. Напротив располагался муж Йорам, скучал. Тут же был и сын Ахазья. Расспрашивал мать о безвременно умершем тезке, сожалел. Наведался Иошафат. Старик все чаще болел. Из-за телесной слабости не поехал с Атальей в Шомрон и сына и внука не отпустил – сказал, мол, время тревожное, не годится молодым мужчинам покидать столицу.

В один из дней с утешениями явились первосвященник Оед и с ним Матан, благонамеренный духовный наперсник Атальи. Вошедшие молча уселись на лавку в углу горницы, придали лицам горестные выражения, сочувственно глядели на скорбящую.

Аталья не смотрела в сторону гостей из храма. Слишком хорошо запомнила она рассказ матери о роковом пророчестве Эльяу, и духовная его родня была не к месту и не ко времени, и не хотелось ей слушать лицемерные слова.

– Мои козны и левиты соболезнуют тебе, Аталя, – начал неизбежную речь Оded, – а я печалюсь больше всех, ибо ты не чужая мне, и твое горе – мое горе.

– Благодарствую, – коротко ответила Аталя.

– Мне кое-что донесли о несчастье в Шомроне, но хотелось бы слышать слово сестры – самое точное и правдивое.

– Ахазья тяжело покалечился, – через силу проговорила Аталя, – но раны не были смертельны. Он хотел просить помощи Эльяу и трижды направлял к нему своих послов. Двоих тот сжег огнем, а с третьим передал пророчество кончины. К несчастью, ясновидцы ваши умеют накликать смерть. Вот тебе, Оded, точные и правдивые, как ты просил, слова сестры покойного, от матери ею слышанные.

– Я сострадаю тебе всем сердцем, Аталя. Однако не обмолвилась ли Изевель о том, что первым делом не к Эльяу, а к Вельзевулу, божеству языческому, отправил послов бедный Ахазья?

– Нет, не обмолвилась.

– Роковую ошибку совершил Ахазья. Не потерпел Господь пренебрежения и потому через пророка своего свершил

справедливое возмездие. Всевышний прав всегда.

– Непогрешимый ваш ревнивец смертью покарал увечного и болящего за ошибку его.

– Ах, Аталья, ты в горе, и потому я пропускаю мимо ушей богохульные твои слова. Не стану обременять тебя более. Прошу, не отвергай наше участие. Пойдем, Матан.

Во время краткой беседы Аталья с первосвященником никто не вставил слова. Молчали и после ухода Оеда и Матана. А Аталья думала, что слишком широка черная полоса, и не известно еще, сменится ли она светлой. Или последняя беда есть мрачного грядущего заря?

Глава 8 Опасности навстречу

1

Наше душевное спокойствие зависит не столько от важных событий вне и внутри нас, сколько от мерного хода рутинны житейских мелочей. Пять лет минули после смерти израильского монарха Ахазьи, брата Аталья. В те непримечательные годы, как и завелось испокон веку и установлено на века, шли своим чередом войны в земле Ханаанской, люди калечили и убивали друг друга, строили и разрушали построенное, за идею умирали сами и лишали жизни ближних, грабили и разорялись – иными словами, тянулись серые будни истории. Даже в царском дворце Иерусалима не лилась кровь

бьющихся за власть. Пожалуй, Аталья сказала бы, что все это время она шла поперек светлой полосы на тигриной шкуре, а черной она не боялась – в любую минуту готова была вступить на нее.

Вырос сын Ахазья, отрада материнского сердца. Смазливый отрок превратился в прекрасного юношу – высокого, широкого в плечах, ловкого, сильного, голубоглазого, светловолосого. “И откуда только такие птицы в наши смуглые края залетают?..” – иной раз поддразнивал Аталью муж Йорам. “Оставь глупые мысли свои!” – сердилась на шутника честная жена.

Надобно заметить, что Аталья, раненая в самое сердце мужниным многоженством и не прощавшая супругу хладнодушия, весьма снисходительно относилась к рано пробудившейся и бурно расцветшей любвеобильности отпрыска-красавца. А вернее сказать, она втайне тщеславно гордилась сыновними победами нератного свойства.

В свое время Аталья чересчур драматически приняла весть о крахе проекта обогащения Иудеи золотом страны Офир. Свекор Иошафат и муж Йорам сравнительно успешно воевали на южных границах страны, расширили рубежи за счет царства Эдом и доставили немало выгод Иудее, взимая налог с купеческих караванов и добывая медь в пустыне

у Мертвого моря. Доходов худо-бедно хватало на судебные да на военные нововведения Иошафата, хотя житье просто-народья не улучшалось, и роскоши во дворце не прибывало. Однако Аталья глядела вперед без мрачности – ведь ничто не вечно: ни обстоятельства, ни причины, ни люди.

2

Исподволь подкралось неизбежное. Иошафат заболел и слег. Он был уже глубоким стариком: минуло ему от рождения без малого шестьдесят лет, двадцать из которых он делал самую худшую в мире работу – тяжелую, неблагодарную, грязную. Другими словами, он правил государством. Всю жизнь напал и защищался. Снаряжение монарха – меч, язык и воля. Одряхлел Иошафат, изнашивалось оружие его. Нега власти не залечит раны, нанесенные душе и телу этой самой властью. Последние годы все чаще отец выдвигал сына вперед себя – пусть Йорам привыкает править.

Здесь уместно сообщить читателю, что, во-первых, семейные и романтические эпизоды жизни Иошафата не отражены в анналах истории, а, во-вторых, Господь облагодетельствовал царя Иудеи семью сыновьями. Возможно, от разных жен. Доподлинно неизвестно сие, а придумывать небылицы не в наших правилах. Важно для истории и для закона, что Йорам был не просто старшим среди них, но и родился первенцем. Поэтому его права на трон никто не мог оспорить, и он рос во дворце и готовился, как пробьет час, принять ко-

рону, страну и суд истории.

Закон престолонаследия странен, но действует, а потому разумен и справедлив. Ибо кого сажать на трон? Лучшего? Тогда каждый соискатель станет думать, что это он и есть, и кровавая схватка неминуема. Значит, нужен неопровержимый признак. Старший сын – тут спорить не приходится, и это правило дает надежду избежать внутренней смуты.

Иошафат питал лучшие чувства ко всем своим чадам и любил их мудро и дальновидно. Поэтому шестерых младших он расселил подальше от столицы, каждого в его городе, и щедро снабжал отроков самой необходимой роскошью. Паломничествуя по Иудее, отец навещал сыновей и внушал им ложность язычества, и они слушали родителя, и следовали его поучениям и выросли подлинными ревнителями иудейской веры.

Освоившись с горькой мыслью, что стоит он на краю могилы, и пришла пора прощаться с миром и с людьми, монарх повелел оповестить живущих вдали от Иерусалима отпрысков и призвал их для прощания и отцовского наставления. “Кажется, Иошафат желает уподобиться Якову, – подумал первосвященник Овед, не отходивший от ложа болящего, – умирая, праотец собрал сынов своих и каждому пророчествовал. Однако, монарх наш и дети его не столь значи-

тельны, как славные предтечи!”

Сыновья Иошафата послушно собрались вокруг смертного одра отца. “Вот, я отхожу, – слабым голосом произнес умирающий монарх, и простер длань свою и возложил ее на голову старшего, то бишь Йорама, – и выслушайте последнее слово родителя вашего... По закону небесному и земному, я вручаю корону первенцу... Вам же, шестеро младших, я оставляю дары золота, серебра и драгоценностей – сундуки приготовлены, и всем поровну... А города, в которых я поселил вас, закрепляю за вами, и каждый в своем уделе станет властителем и царевым наместником... Вот предсмертная воля моя: с чужими воюйте, а со своими мир храните... Нашу веру соблюдайте, а залетную прочь гоните...”

Одед закрыл глаза покойному. “Хоть величием своим и не равен был Иошафат праотцу Якову, – подумал Одед, – но он мудро распорядился покидаемым достоянием и назидал отменно. Хотя, если вдуматься, не велика заслуга умирающего оставлять богатство наследникам, ведь в последний час нет у него другого выхода!”

Погребли Иошафата с почестями в священном Иерусалиме, в городе Давида. Теперь Аталья не только сестра царя Израиля, но и супруга царя Иудеи. И оба монарха носят имя Йорам.

Семь дней траура. Из северной столицы, из Шомрона, прибыли брат Йорам и Изевель. Повелители мятежного Моава и недружелюбного Эдома отправили в Иерусалим своих послов-соболезнователей. Члены семьи, домочадцы и приживалы дворца добросовестно скорбели. Некоторые, гадая о переменах, силились заглянуть в ближнее будущее. Изевель не загостилась. Чувствуя, что не рады язычнице в праведной Иудее, увядшая матрона всё держалась поближе к дочери и, исполнив долг, поспешила удалиться восвояси.

3

Муж Йорам воссел на царский трон, и честолюбивые мысли потеснили печаль утраты. Иошафат наставлял его принимать ратные успехи и неудачи соразмерно значению, не спешить ликовать или отчаиваться. Освоивши науку эту, Йорам полагал, что он вполне созрел для верховной власти. Но сей Божий дар он еще не научился беречь, ибо укрытый в прошлом отцовской искушенностью, не ведал, что ковы внутри дворца опаснее мечей вне стен его.

Аталья душевно сожалела о кончине свекра, памятуя его сердечную склонность к ней. К тому же чтילה его за ум и за благие намерения, частью осуществляемые. Но на другой стороне монеты отчеканена была ее мечта о глубоких переменах в Иудее, а покойный царь слишком пленился предрассудками своей веры и не шел далеко. Зато муж Йорам вни-

мал податливо речам супруги. Он сблизился духом с охочим до язычества братом Йорамом, и тем вселял надежды в голову Атальи. Она огорчалась смертью старика, и вместе с тем ожидала добрых времен. К тому же, жена наследника престола становилась женой монарха – а это кое-что да значит!

Братья новоиспеченного царя Иудеи жили далеко от Иерусалима, и Аталья прежде не видала их и не думала о них. И вот они явились в столицу прощаться с отцом, и все дни траура пребывали во дворце и, кажется, не торопились разъезжаться по своим домам. “Тревога пробирается в сердце, – говорила себе Аталья, – что на уме у этих праведный ханжей? Яд ненависти к матери моей и, стало быть, ко мне, влил Оед в их души, возможно, пособил Иошафат, да и Эльяу не остался в стороне. Святость не вступает в спор с властолюбием. Закон – пустое слово, коли корона – награда за преступление его. О, боги! Храните меня и мужа! Берегите царство наше от покушения предателей! Разве в благочестивые их головы не может пробраться мысль убить моего Йорама дражайшего, власть захватить и меня лишить жизни или изгнать?”

Аталья помрачнела. Заметила, что и муж Йорам в тревоге пребывает. Догадалась: те же думы его гнетут. Супруги не говорили меж собой о предчувствиях своих, напрасных возможно. Не хотели трусливыми друг другу показаться, но оба

страшились и оба желали избавления от страха.

Определенности хотелось. Пусть бы подозрения рассеялись или подтвердились. Второе лучше, ибо тогда не грех, а благо нападать первым. “Не коснеть в надежде на мнимость угрозы, – рассуждала Аталья, – но идти навстречу опасности и уничтожить корень ее и самую мысль о ней. Только так вернешь покой душевный!”

Аталья не полагалась на изобретательность Йорама. Она должна придумать трюк сама, но проделать его руками мужа. “Негоже влачить существование в страхе утратить жизнь, семью, царство, мечты! – думала она, – надо действовать, пока святоши тут. Ах, хоть бы какая зацепка, чтоб совести рот заткнуть!”

“Мне показалось, что братья твои о чем-то перешептывались с Матаном и на тебя оглядывались...” – сказала Аталья мужу Йораму. “Я тоже это заметил...” – мрачно ответил супруг, и рука его непроизвольно скользнула к рукояти меча. Они не обменялись более ни словом, но одномыслие с союзником ободрило Аторию. Теперь нужен план.

4

Над Иерусалимом нависало ночное небо. Луна и звезды то появлялись, то скрывались за бегущими облаками. Во дворце отбушевал ужин, трапеза подходила к концу. Муж Йо-

рам восседал в царском кресле. По правую руку его устроилась Аталья. Братья сидели рядом. Напротив расположились первосвященник Оед, а с ним Матан и старшие коэны из храма. Аталья видела, как мрачен лик Йорама. Это не огорчало ее, скорее радовало, хоть не было в душе веселья. Сладкое – последнюю перемену кушаний – единственная женщина за столом вызвалась подать сама. “Надеюсь, мужчинам будет приятно получить угощение из рук супруги монарха!” – проговорила она.

Аталья вышла и вскоре вернулась с подносом, на котором высились кувшин и кубки, наполненные лучшим вином из подвалов дворца. Слуга нес блюда с фруктами. Против каждого из сидящих она поставила его угощение, сопровождая это действие приятной улыбкой и приветливым словом. “Дорогих гостей прошу отдать честь дарам наших садов и виноградников!” – сколь могла любезно воскликнула она.

Похвалы царскому напитку вскоре сменились отчаянной зевотой. Некоторые из сидевших за столом почувствовали усталость и запросились спать. Аталья указала царским братьям на комнату, где их ждали постели. Оед и коэны простились с хозяевами и отправились домой. Из всех людей храма остался только Матан, неожиданно утомленный и посему получивший приглашение Атальи переночевать во дворце. Муж Йорам, бодрый и сумрачный, удалился в свои

ПОКОИ.

Аталья не последовала за мужем. Она притаилась у двери и принялась глядеть в замочную скважину. Йорам метался от стены к стене, яростно жестикулировал, говорил сам с собой. “Конечно, они заговорщики! – слышала Аталья глухой трагический голос, – моей смерти они хотят! А где улики? Нет их! Выходит, страх затмевает разум мой? Что делать? Подскажи, Господи, как поступить? Коли за жизнью моей они пришли – долг мой первым прикончить их! Иль нет в сердцах их зла? Не может не быть! Они задумали цареубийство!”

“Самое время помочь ему сомнения отбросить!” – мелькнула мысль в голове Атальи, и она ринулась в комнату, где крепко спал Матан. Решительно выхватила кинжал из-за пояса его. Он не почувствовал – в кубки Матана и братьев мужа она добавила сонное зелье. С добычей в руках Аталья прокралась снаружи к окну горницы, где терзался бедный Йорам, и перебросила клинок через решетку.

“Что это там за звук, словно железо ударило по камню? – услышала Аталья голос мужа, – о, это кинжал, добрым ангелом брошенный в окно! Всевышний подает мне знак! Теперь наверняка я знаю – они задумали меня убить! Не выйдет! Господь не оставил меня! Я сделаю это первым!”

Аталья слышала, как Йорам, схвативши оружие, бросился в комнату, где спали братья. “Они не вскрикнут, они вообще не проснутся!” – злорадно подумала Аталья и скрылась в своей опочивальне.

Тем временем обезумевший Йорам вонзил клинок в грудь одного из братьев. Распалившись от вида крови, он по-звериному сладострастно умертвил остальных. Свершив расправу, швырнул окровавленное орудие убийства в угол и устремился прочь из комнаты. Ворвался в свои покои. Упал на пол. В голове пустота. Кровь дико стучала в висках. Что дальше? Как скрыть свершившееся? “Ложь, навет, жестокость обратятся во благо, храня царя!” – лихорадочно думал он.

Йорам сорвал с себя окровавленную одежду, кинул в очаг. Выскочил нагим на ночной двор, нырнул в пруд, смывая с тела красные следы. Вернулся, оделся в чистое. “Для объяснений требуется благовидность, – собираясь с мыслями, соображал он, – не выйдет правдой, так правдоподобием глаза замазать и языки связать. Я царь, а страх пред властью размягчает благородных убеждений алмаз твердейший!”

Между тем Аталья выждала немного, потом разбудила служанку, отправила узнать, что за шум во дворце, не слу-

чилось ли чего.

“Госпожа! Господин! Смертоубийство!” – раздался вопль служанки. Аталья и Йорам опрометью бросились на крик. Девушка с лучиной в руке дрожала от страха. “Вон там!” – вскричала она, указывая на открытую дверь горницы, где час назад свершилось злодеяние. Йорам выхватил у девушки лучину, засветил ею факел и вбежал в комнату. Аталья последовала за ним. Страшная картина преступления, дело рук его, предстала пред Йорамом.

– Что там у стены блестит? – воскликнула Аталья.

– Кинжал! – прорычал Йорам, подняв предмет.

– Он окровавлен! Вот орудие убийства! – закричала Аталья.

– Какое горе! Кто преступник? – возопил Йорам.

– Я узнаю оружие! Это клинок Матана! – ликуя, проговорила Аталья.

– Ах, негодяй! Убийца! Зачем ему их жизни?

– Кажется, я разгадала замысел! Ты помнишь, Йорам, я

указала тебе, как о чем-то сговаривались братья с Матаном?

– Помню, Аталья!

– Они хотели взять твою жизнь его руками. Да, видно, не сошлись в цене. Духовник мой труслив, боялся, что братья отомстят ему за несговорчивость, и первым уничтожил их!

– Его кинжал остался, значит, он сбежал! – догадался Йорам.

– Наверняка! – подтвердила Аталья, – однако, на всякий случай заглянем комнату его!

– Он здесь! – взвизгнул Йорам, – лиходеи сном праведника спит! Был слишком пьян, не достало сил сбежать! Просыпайся, мерзавец, ты будешь судим и казнен!

Йорам связал очнувшегося Матана и уложил на пол. Затем сделал знак Аталья, оба вышли, завернули в покои Йорама, уселись. Уже светало. Они видели лица друг друга. Йорам пристально глядел в глаза своей благоверной. Та не выдержала взгляда, потупилась. Аталья знала больше. Йорам – меньше. Он размышлял, сопоставлял, додумывал и заключил, что ему есть на кого опереться в этом мире. “Пусть замыслы в слова не воплотятся, – решил Йорам, и оба молча-

ли, – не сказано – не сделано!”

– Судить и казнить убийцу? – спросил Йорам мнения жены.

– Не стоит. Простим его. Жизнью обязанный, Матан нам пригодится.

– Но кинжал? Что делать с ним? – вскричал Йорам.

– Вернем Матану. Скажем, что пощадили его и требуем отплаты верной службой. Он на крючке и не посмеет изменить нам. Духовника в порученца превращу.

– А трупы, кровь?

– Объявим, что злоумышленники проникли во дворец, убили братьев, в сундуки их забрались наследные и, ограбив, скрылись.

– Придется восемь стражников казнить, всю ночную смену караульную... – уныло произнес Йорам.

– Это плохой, но лучший путь. Меньшее из зол – тоже зло...

– Во искупление передай женам, а, вернее, вдовам казненных дорогие подарки!

– Ты добр, Йорам, и ты прав. Так и поступлю!

В порыве немой благодарности Йорам крепко обнял Аталью. Тронутая теплым порывом мужа, она благодарно опустила голову ему на грудь. “Жаль, молодость осталась позади!” – подумала она. Потом ей вспомнилась история Навота, незаконно осужденного. Изевель творила зло от имени Ахава. “Я хитрила не хуже, – подумала Аталья, – нет, я превзошла родительницу! Казнь невинного расстроила доверие меж отцом и матерью, а наше с Йорамом деяние сплотило нас!”

5

Поняв, что угодил в ловушку, Матан не стал отстаивать свою невинность и не пытался вырваться из царских когтей – с владыкой не поспоришь, а жизнь дороже. Да и отчего не послужить чете монаршей?

Первосвященник Оед догадывался, кто был истинным преступником, но почел за благо принять дворцовую версию ограбления и убийства. Вот только о роли Матана в этой истории он не подозревал, иначе постарался бы отлучить от храма возможного доносчика.

А что до царя Иудеи Йорама, то он быстро забыл о пустяках дворцовых перипетий, ибо лишь войны с соседями – вот занятие, подлинно достойное внимания монарха.

Глава 9 Хитрость хлеще силы

1

В отличие от мужа Йорама, по горло занятого делами управления страной и не имеющего досуга для копания в прошлых безделицах, Аталья много размышляла об убиении царских братьев. Она с удовлетворением отмечала, что замышленный ею и успешно осуществленный акт стал ее первым государственно-политическим опытом, и, да угодно будет богам, дальше не хуже.

Аталья имела изрядные основания для довольства собой. Ведь она не только отвела от семьи и трона грозную опасность, но одновременно купила за бесценок раба в лице духовника. Скованный цепью страха разоблачения, такой не подведет.

Сызмальства в душе Атальи тлел уголек зависти к матери. Изевель была умна, на выдумки горазда, а, главное, судьба подарила ей преданного супруга. Как не доставало Аталье мужниной верности! Да и монотонная жизнь в праведном Иерусалиме не давала ей предлога проявить смекалку. Но Аталья верила, что настанет день удачи.

“Мать посадила пятна на свою и отцову совесть, преступив закон в деле Навота, – размышляла дочь, – и ликующие книжники не замедлили навсегда запрячь Изевель и Ахава в железное ярмо греха!” Аталья же, обороняя трон от темных притязаний царских братьев, изловчилась тонко. Испытанию безопасного убийства невозможно противостоять. Ни на нее и ни на Йорама никто не указал пальцем как на преступников. А где нет обвинения – там нет и вины! К тому же, муж Йорам после содеянного вроде бы стал к жене внимательнее, нежнее даже. А она так ждала этого!

Аталья не преувеличивала своей заслуги перед историей. Она отлично знала, что лишение жизни претендентов на престол не есть новое слово в высокой политике. Наоборот, так велось испокон веку, и установлено на века, ибо для умиротворения противника нет инструмента надежнее убийства. Ей подумалось, что и сама она при случае вновь станет на эту верную стезю.

Раскидывая умом, Аталья сделала вывод, что решение труднейшей задачи сохранения внутреннего мира и спокойствия в стране было достигнуто малой кровью. “Борьба за престол могла превратиться в народную войну, и разве не случилось такое? – размышляла Аталья, – тысячи трупов, голод, разрушения, вдовы, сироты! И всех этих несчастий нам с Йорамом удалось избежать ценой всего шести жизней его

единокровных братьев. Ах, да, еще восемь караульных были казнены!”

Царевой жене оставалась преодолеть последнюю закавыку в ее душевном ладу. “Справедлива ли кара, когда злодеяние не совершено, но по здравому разумению оно неминуемо? – спрашивала себя Аталья, – иными словами, довольно ли для расправы подозрения?” Опершись невзначай на неизвестную ей презумпцию вины, она порешила, что, ежели бездействие силы грозит катастрофой, как, скажем, народная война в стране, то нельзя оставлять в живых возможных лиходеев. “Битва за власть едва ли избежна, ибо искушение на грех наводит, а что дурно, то и повадно, – думала она, – стало быть, вероятие есть явь! Связь вещей позаботится о себе сама”.

2

Итак, Йорам, муж Атальи, стал монархом Иудеи. Брат ее, тоже Йорам, владычествовал над Израилем. Иерусалимский и шомронский Йорамы были весьма дружны меж собой, блюли заветы отцов жить мирно и союзно, воевали вместе, и иной раз пировали за одним столом и не отказывали себе в прихотях, правителям доступных. В те дни светло было на сердце у Атальи: муж царь, и брат царь, и оба любят ее!

В державной этой паре доминантной фигурой был брат Йорам, который имел влияние на мужа Йорама и смани-

вал последнего с праведных путей, коими ходил покойный Иошафат, мир праху его, и приобщал тезку к нечестивым радостям язычества. Аталья же весьма способствовала переменам в душе супруга, а тот прислушивался к словам из ее уст, ибо по достоинству оценил недюжинные дарования жены.

Смерть умудренного опытом властителя неминуемо рождает мечты у покоренных народов, и они восстают с надеждой на выгоду. Так случилось после гибели Ахава, царя Израиля, когда моавитяне подняли головы, и подобное повторилось со смертью Иошафата, монарха Иудеи – тогда взбунтовался Эдом. Поэтому нелегким выдается начало правления преемников.

Эдом не просто затеял бунт. Невеликая рать его умудрилась изгнать из страны армию Иудеи, а воеводы поставили над народом своего царя. Муж Йорам достойно принял вызов мятежников. Он собрал войско и назначил над сотнями лучших военачальников. Не поскупился и снабдил пеших ратников полной амуницией, а кавалерию обновил совершенно. Йорам не худо разобрался в бранном ремесле и знал выигрышные ходы войны. Он тайно выстроил солдат в укрытии, и, дождавшись ночи, обрушился на врага. Окружил, отрезал пути бегства, сопротивлявшихся перебил, а сдавшихся пленил, чтобы с выгодой продать в рабство. Колесницы

же эдомские захватил в целости и укрепил ими столичный гарнизон.

Долгие месяцы не могли оправиться после позорного поражения незадачливые бунтовщики. Тем временем Муж Йорам по совету Аталы устроил вооруженные посты на торговых путях, проходящих через Эдом, и пошлины, взимаемые с купеческих караванов, недурно пополняли казну Иерусалима. Часть обращенных в рабство воинов мятежной армии Йорам отправил на рудники, и закипела прибыльная торговля медью.

Еще в царствование Иошафата кованые монаршие сундуки в подвалах дворца пополнялись из родников этих, но, по мнению Аталы, чересчур узки были ручейки доходов. Нынче прибыль потяжелел, и Аталя подумала, а не пришло ли время наряжать в богатые одежды дворец и столицу, да перестроить Иудею, дабы уподобить ее счастливым цветущим странам?

Аталя не вовсе отметала учение Эльяу, Одеда, Иошафата и многих прочих. Она усматривала в нем полезное орудие для обуздания черни. Страх перед карами небесными удерживает в повиновении. Но полагала она, что убеждение, будто на весь огромный мир существует лишь одна высшая сила – ревнивая и непрощающая, к тому же гонительница

разномыслия, – такое убеждение есть твердолобость. Вера эта, по разумению Атальи, навек закует простонародье в цепи бедности, имущих не допустит до вожделенной роскоши и в сердцах адептов зальет водою словес огонь торжества духа и плоти.

Со смертью благочестивого свекра Аталья обрела некоторую свободу рук. Она задумала создать в Иерусалиме противовес влиянию первосвященника Одеда. С чего начать? Нужны сторонники, которым ясны достоинства язычества. Таких людей скорее всего найдешь среди алчущих свободы и золота царедворцев и богачей. Хотя из любых сословий умные головы сгодятся. Аталья поручила Матану разведку и вербовку. Она рассудила, что присущая ее агенту тонкость обхождения развеет подозрения кандидатов в новообращенные в тайном полицействе храма. А там, глядишь, появится молеальный дом и паства в нем. И Иудея зашагает к благу.

Победа мужа Йорама над Эдомом не была абсолютной. Со временем разбитый враг сумел собрать новые силы и сколотил войско. По совету Атальи, ценившей мир больше победы, Йорам не начал кампанию, но вступил в переговоры с противником, и согласились стороны не воевать, а барыши от пошлин и рудников делить меж собой.

Преимущества мира перед войной признаны как факт. С

ним неохотно соглашаются те, кто всматривается в оборотную сторону его. Поладивши с врагом – теряешь силу устрашения. А недругов вокруг не занимать стать. Который посмелей, тот нападет, решивши, что лев одряхлел. Так уж повелось в земле Ханаанской, а, может, и не только в ней. Вот почему договор с Эдомом подтолкнул сопредельный Иудее город Ливна поднять меч и нанести ей болезненные раны. А Йорам не бросился усмирять наглых выскочек, ибо загадочная хворь одолела его.

3

От бдительного ока Одеда не укрылась энергичная подрывная работа Аталы. Первосвященник почувствовал необходимость прояснить, вразумить, а то и пригрозить. Царская чета теперь проживала во дворце, поэтому Одед должен был просить о встрече заранее. Это обстоятельство пришлось по вкусу Аталье – у нее появилось время обдумать предстоящую беседу, направление которой она представляла вполне.

– Прекрасная Аталья, мир тебе, и царскому дому, и Иерусалиму и всеми нами любимой Иудее! – произнес Одед.

– Мир и тебе, почтенный Одед. Я счастлива видеть у себя высшего жреца великой веры! – ответила Аталья.

– Увы, я не могу принять лестный титул высшего жреца, ибо наша вера величает меня, коэна, первосвященником.

– Неискушенный мой женский ум не различает тонкостей...

– О, ум твой искушен весьма, дражайшая Аталья! Позволь отметить наше согласие в великости веры, которую я представляю.

– Начать с согласия – прекрасный зачин беседы!

– Дай Бог, добраться до конца не хуже. Аталья, мне стали известны кое-какие твои дела. Их дух несовместим с тою верою, которую мы оба называем великой.

– Чем согрешила я, благородный Одед?

– Боюсь, Аталья, ты взяла от матери скверную привязанность к язычеству. Иерусалим – не Шомрон. Мы здесь служим единому и истинному Богу. Ты знаешь, не угодно Ему уклонение.

– Знаю, не угодно. Он не прощает и мстит.

– Выражения твои несдержанны, но не так слова, как дела опасны. Возвращая людей назад в язычество, ты вред наносишь Иудее! А ведь я не раз слышал от тебя, что любишь ты

новую родину свою!

– Сердцу не прикажешь – и потому люблю я Иудею! Неужто не видишь ты добрых перемен в стране нашей? И разве нет в этом моей заслуги?

– Отчасти твоя заслуга в том, что владыка наш Йорам свернул на языческий путь израильского Йорама. Господь покарал народ Иудеи за грех царя, наслав на страну убийц и грабителей Ливны. Это ли добрая перемена?

– Позволь вступиться за божество твое. Всевышний вовсе не насылал на нас разбойников Ливны, и есть другая причина у неприятности этой. Иначе как объяснишь ты победу над Эдомом? Ведь одержал-то ее мой заблудший муж Йорам!

– Ах, Аталья! Я желаю добра тебе и всем нам, а ты упрямисься, обманываешь себя превратным толкованием событий! Вот, получил я письмо от известного тебе пророка Эльяу. Он обвиняет мужа твоего в отравлении народа ядом язычества, а также в убиении праведных братьев его...

– Клевета! Возмутительная ложь! – взвизгнула Аталья, и лицо ее побледнело, – надеюсь, Одед, ты вместе со мною отвергаешь гнусный навет убиения? Тебе-то известна правда о трагедии семьи нашей!

– Думаю, известна... Не нам, простым смертным людям судить о речах великого пророка, устами которого вещает Господь. Пишет Эльяу, что всерьез разгневался Бог на Йорама и наслал на него хворь неизлечимую, и весьма скоро выпадут внутренности у мужа твоего, и он умрет. И народ Иудеи не обошел Он карой – соседи наши, что идолам поклоняются, улучат час, и сделают набег на Иерусалим, и перебьют многих, и захватят имущество, а женщин и детей уведут в плен.

– Какое несчастье! – воскликнула Аталья, и слезы заблестели на глазах ее, – я поневоле верю – ведь сбываются пророчества негодяя! Вот и Йорам недомогает. Начало конца!

– Не предавайся отчаянию, Аталья. Бедствие дает повод к мужеству. Я предупредил тебя, и это доказательство того, что я твой друг.

– Иметь таких друзей – врагов не надобно! – вспомнила Аталья заготовленную фразу.

– Ах, злой язык твой! Однако этим пренебрегаю, а находчивость твою ценю. Если что и роднит нас, так это любовь к Иудее. Теперь я удаляюсь – храмовая служба ждет. Вернее, не ждет.

Аталья принялась лихорадочно размышлять. “Коли враждебные пророчества исходят из уст Эльяу, то они непременно осуществляются, ибо гонитель семьи нашей не бросает слов на ветер. Но силой меня не сломить! Хитрость хлеще силы. И из неминуемого пользу можно извлечь, если надлежаще приготовиться!”

“Йорама не спасти от смерти, и горе уж стучится в дверь. Но на трон взойдет сын Ахазья. Мой любимец, мое дитя, плоть от плоти моей – и станет царем! Радость затмит печаль. Это ли не награда жизни? Крохотные камушки уберу и мельчайшие щербинки засыплю на сыновнем пути. Эльяу сулит нашествие головорезов? Что ж, оберну набег к выгоде. Не разочарую лису Одеда!”

Ревность и с ней обида на полигамного мужа никогда не угасали в сердце Атальи. Правда, политичный Йорам поместил своих жен подальше от ее глаз и ушей, но соль ест и перевязанную рану. Обещанный пророком разбой подавал надежду вырвать корень позора.

Сын Ахазья любвеобильностью не уступал родителю, но Аталья, как было прежде сказано, не осуждала чадо, скорее гордилась им. Пригожая Цвия, первая и самая законная супруга красавца Ахазьи, родила одного сына, о котором речь

впереди. Другие его прелестные жены, легитимность коих исторические хроники не открывают нам, тоже успели принести приплод молодому отцу.

Разумеется, жившие отдельно от Атальи жены Йорама исправно рожали сыновей и дочерей, которые, в свою очередь, дарили деду внуков. Царское семейство в Иерусалиме было довольно многочисленно, насчитывая десятки душ. Аталья вознамерилась решить судьбу их.

Аталья убедила Ахазью отправиться вместе с женами в Беэр-Шеву, дабы навестить родню Цвию. При этом необходимо захватить с собой малюток. Она заверила любимца, что родителям его главной супруги будет лестно познакомиться с товарками дочери по гарему и с потомством их царственного зятя. Аталья не хотела, чтоб Ахазья знал о вероломных ее замыслах. Она берегла и сына от опасности, и репутацию свою в глазах его.

Ослабевшего от недуга и потому безропотного Йорама она поместила в тайный подвал дворца. Туда же велела поставить колыбельки его внуков-младенцев, рожденных от детей других жен. Сказала мужу, мол, хочет провести с ним день-другой в этом романтическом месте и надеется, что он представит ей своих малолетних потомков.

Аталья призвала к себе Матана. “Сегодня вечером, – строго произнесла она, – с появлением первой звезды откроешь изнутри городские ворота ипустишь разбойников. Шум не поднимай и не мешай им. Если свои заметят тебя и спросят, от кого приказ получил, что ответишь?” Не задумываясь, Матан выпалил: “Скажу, мол, пьян был, и ворота в беспамятстве отомкнул!” В знак похвалы Аталья вручила Матану холщовый мешочек с золотом. Потом от имени Йорама приказала командиру столичного гарнизона собрать к ночи большие силы, затаиться в засаде и приготовиться к защите города по ее указу.

Безбожники бесчинствовали до полуночи. Охрану перебили, нехудо пограбили в богатых домах и подожгли их, добрались до дома, где Йорам содержал своих жен и детей. Обитателей пленили. Женщин увели в гарем к атаману, мужчин предназначили для рабства. Тут Аталья велела гарнизонному начальнику выводить бойцов на защиту города. Ратники бросились в атаку, и трусливые налетчики ретировались и скрылись в ночной тьме с добычей. Так сгнули все побочные жены и прижитые дети Йорама.

Тех, кто дорог сердцу ее, спасла Аталья, а потом спросила себя, зачем сохранила жизни малолетним внукам Йорама, чужим ей? “Ведь нет в их жилах примеси крови моей, – размышляла она, – и, кто знает, вырастут и станут покушаться

на трон, назначенный для отпрыска Ахазьи, да и существованием своим не дадут забыть боль ревности! Пожалела крошек, наверное, – ответила она себе, – не могла их, беззащитных, на злую судьбу обречь...”

5

По слову пророка Эльяу мучился Йорам болезнью погибельной, и стали внутренности выпадать из чрева его. Вскоре умер он в жестоких страданиях. Царствование его не принесло Иудее ни славы, ни бесславия, и отошел он неприметно. Его похоронили в Иерусалиме в городе Давида, но не в монаршем склепе.

Ахазья не слишком убивался, узнав о гибели своих единокровных братьев и сестер от рук разбойников, да и смерть отца не потрясла его. Сын Йорама и Атальи взошел на престол Иудеи, и только этот факт имел значение для нового царя и для истории. Вдовство весьма опечалило Аталью, но радость и гордость за сына оттеснили кручину.

Глава 10 Умышляющий благо

1

Удачное истребление мужниных братьев породило в голове Атальи приятное ощущение перевеса собственного ума над материнским хитроумием. Последовавший затем успех сложного плана ликвидации гарема и побочных детей Йорама совершенно убедил Аталью в ее превосходстве над родительницей.

Аталье хотелось самой поведать матери о событиях в Иерусалиме, которые были ею направлены. Рассказать о них невзначай, скромно, словно в умении отважно рисковать и каверзно затевать ничего нет особенного, а так, обыденность это для Атальи. Вот тогда-то Изевель по-настоящему оценит дарования дочери, и Аталья прочтет на лице матери долгожданные приятие и почтение!

Аталья отправилась в Шомрон: повидаться с матерью и младшим братом Йрамом, поплакать на могилах отца и старшего брата Ахазьи. Сын Ахазья остался в Иерусалиме, ибо у давеча взошедшего на престол забот полон рот.

Постарела, усохла, поседела Изевель. “Как безжалостно время обошлось с нею! – подумала Аталья, увидав мать после разлуки, – натиск и буря – вот какой была матушка в прежние годы, а нынче взгляд потух, и руки дрожат...” И улетело торжество из души Атальи, и только жалость стиснула сердце. Передумала хвастать: истинно благородные люди не кичатся, а старушка сама и не спрашивала ни о чем.

Горько-горько плакала Изевель у склепа Ахава. И рядом Аталья скорбела, глядя на серый камень с выщербленными на нем клиньями отцовского имени. Невольно вспомнила, как чересчур стоически приняла кончину мужа. Разве сокру-

шалась она с такою же силою о Йораме, как Изевель об Ахаве? Скупыми стали боги, не одарили дочь большой любовью, какую щедро наделили мать. И снова зашевелилась зависть в сердце Атальи.

К захоронению Ахазьи не решилась подойти Изевель. “Иди без меня, дочка, поплачь, вспомни брата, – сказала она, – невыносимо мне глядеть на могилу сына. Вот он, совсем рядом – и нет его. Я каждый день плачу, и до смерти не убудут слезы...”

Грустно глядя на поросший травой холмик земли, Аталья возвращалась мысленно в детские годы, и как живого видела перед собой старшего брата. Ей на память пришли слова матери, мол, береги своего Ахазью, и страх охватил ее. “Как сына оградить от бед в свирепом этом мире? – думала она, – люди оголтело вожделеют власти и золота, а о подлинном достоянии своем – о жизни – вспоминают лишь на смертном одре. А сама-то я разве из другой глины вылеплена? Сколько душ сгубила – счету нет...”

Глубоко опечаленная Аталья распрощалась с родней и покинула Шомрон. В Иерусалиме суетное снова захватило ум и сердце ее. Прекрасная Иудея ждала Аталью, ибо пришло горячее время перемен.

Молодой царь Ахазья получил в наследство от отца беспокойные южные границы Иудеи. Тревожный Эдом, дерзкая Ливна, разбойничьи набеги кочевников – все это вместе стало нешуточным вызовом надевшему корону. Зато ему выпал отличный шанс возвыситься в собственных глазах и, застрашав ближних и дальних соседей непреклонной волей и военным мастерством, заслужить репутацию сильного монарха.

Не меньше, чем славы на юге, желал Ахазья признания на севере. Иными словами, он мечтал отличиться перед лицом израильского царя Йорама как в полководческой роли, так и в других амплуа, ниспосланных монархам небесами. Дядя был взрослее племянника почти на полтора десятка лет, и младший тянулся за старшим и хотел походить на него.

На границах своего царства Ахазья поставил надежных военачальников командовать сотнями, а сам с полками отправился в Шомрон на подмогу Йораму, затевавшему войну с коварными арамейцами. К этому времени в Дамаске случился дворцовый переворот, и взошел на трон царедворец Хазаэль, свергнувший Бен-Адара.

Смуту в стане врага Йорам расценил как добрый знак полководцу начинать войну. “В подмогу мне молодой и горячий Ахазья, – рассуждал Йорам, – только-только вступил он на монаршую нашу стезю, и рвется к славе и во что бы то ни

стало хочет снискать любовь мою. Он не пощадит живота солдат своих ради победы. Все складывается великолепно, и пора начинать наступление!”

Йорам встретил союзника с распростертыми объятиями. “Слушая меня, Ахазья, – торжественно обратился старший к младшему, – на этих высотах и с тем же врагом сражались мой отец Ахав и твой дед Иошафат. На смену им пришли мой старший брат Ахазья и твой отец Йорам. И вот, нам с тобой выпало завершить дело, братьями, отцами и дедами начатое – покорить, истребить, поработить врага!” Ахазья внимал, и глаза его горели. “Геройства и вожделения победы нам не занимать!” – вдохновенно изрек он.

Цари Иудеи и Израиля двинули свои рати в Рамот-Гилад. Вскоре начались бои, но не увенчались они скорым успехом, как надеялся Йорам, а превратились в затяжную войну.

Наслаждение битвой, торжество сокрушения чужой воли и жажда мести за отца – три бешеных коня, мчавших колесницу страстей Йорама.

Аталья, убежденная противница всяческих войн, и перво-наперво тех, что вела Иудея, не одобряла боевого пыла сына Ахазьи. Да чем тут поможешь? Выше лба уши не растут! Надеялась, перебесится молодой. Дойдет своим умом,

как и она когда-то: не копьем и мечом, а серпом и оралом скорее к чести да богатству дорогу пробьешь. Увы, не откроется Аталье до конца ее дней горькая правда – слишком мало голов на сию догадку набрали.

Аталья частенько расспрашивала иноземных купцов, в чем секрет благополучия великих царств наподобие Персии или Египта. Вникала в хвастливые речи негоциантов, выискивала здравые зерна: скажем, богатых к грамоте приучать, а бедняков – к труду. Но без всяких советчиков додумалась сама: чтобы путь озарить, не столько потребен факел в руке, как свет в голове. Поэтому упорно рекрутировала сторонников язычества и построила, наконец, молеальный дом – антипод храму.

Знала Аталья, не по нраву ее дела первосвященнику. Но больше боялась длинной руки израильского пророка Эльяу. Запросто доберется до Иудеи. Ведь не за тридевять земель Иерусалим от Шомрона! И о его продолжателе Элише тоже слыхала. “Хрен редьки не слаще!” – непочтительно думала она. Не ждала добра из того лагеря, но не могла вообразить огромности нависшей катастрофы.

3

Следуя воле Бога, пророк Эльяу назначил преемником своего ученика Элишу и сообщил ему указ Всевышнего уничтожить в среде израильской поклонение идолам. Для

свершения сего великого деяния Элише дана была свобода рук. Кому поставлена цель, тому дозволены и средства. А разве можно закрыть глаза на возрождающееся язычество в Иудее? Посему Элиша замыслил благо и выжидал момента.

За жизнь, равную подвигу, Эльяу был удостоен высшего отличия – Господь взял пророка в рай живым, и он вознесся на небо, не испытав горечи кончины.

Знатоки утверждают, что значимостью дел ученик не уступал учителю, хотя и признают они чрезмерную, порой, вспыльчивость воспитанника. Элиша судил Израиль шестьдесят шесть лет и, как известно, совершил чудес вдвое больше наставника.

Первосвященник храма Овед все более тревожился за судьбу Иудеи. Душа его напрочь отвергала насаждение язычества в Иерусалиме, ибо усматривал он мерзость в деяниях Атальи. Однако, опасался Овед чрезмерного рвения израильских пророков, вполне допуская, что, привычные к радикальности, они нашьют бедствия на Иерусалим, не разбирая правого и виноватого.

Овед отдавал себе отчет в ограниченности своего влияния, ведь он-то всего-навсего слуга Господа, а пророки – уста Его! Поэтому первосвященник вновь и вновь апеллировал к

благоразумию Атальи, пробуя разные подходы и уповая на гибкость ее ума. Он явился к ней во дворец, задумав изобразить пророков в самом выгодном свете, не погрешая при этом против истины, дабы не оцарапаться о колючки женской пронизательности.

– Драгоценная Аталья, мне бы хотелось освежить в твоей памяти некоторые хорошо знакомые тебе вещи, – начал Оded, – в дни сражений с моавитянами случилась беда в союзной армии израильского монарха Йорама и иудейского царя Иошафата. Истошились запасы воды, и не было дождя, и пересохли реки. И люди и скот страдали весьма и не умели найти спасения. Тут явился пророк Элиша и изрек волю Господа: “Делайте на дне сего высохшего потока яму за ямой. Вы не увидите ветра и не узрите дождя, но русло заполнится водой, и вы и кони ваши будете пить и не умрете от жажды!” И случилось по слову Элиши, и уцелело войско. Но разве довольно столь скромного чуда для Господа? И продолжил пророк: “Моавитяне будут преданы в ваши руки, и поразите и завоюете вы укрепленные города...”

– Почтенный Оded, я прежде слыхала от свекра, мир праху его, о славном поступке Элиши!

– Теперь это событие описано в святой нашей книге! – воодушевился единомыслием собеседницы Оded.

– Бог ваш устами пророка дал воинам замечательный совет – рыть яму за ямой на дне сухого русла. Подземные воды поднялись и напоили людей и коней, и ненужными стали ни ветер, ни дождь, ни чудо!

– Дух противоречия крепко сидит в тебе, Аталья, не стану возражать, а лучше поведаю другую правдивую историю. Однажды Элиша, сопровождаемый юношей, пришел в город Шунэм, и оба устали в пути и проголодались. Одна знатная женщина пригласила обоих к себе в дом есть хлеб, а потом уделила им комнату наверху для отдыха. Мужу своему сказала, что воистину Элиша человек Божий. И потом, когда случилось ему с юным спутником бывать в Шунэме, они всегда располагались на постой у этой женщины.

– Желая отблагодарить хозяйку, – продолжал первосвященник, – спросил Элиша, не нуждается ли она в чем. А та скромно отказалась, мол, все у нее есть, ведь среди народа своего она живет. Но юноша шепнул пророку, мол, женщина бездетна и не рожала, а муж ее уже стар. Тогда Элиша призывал ее к себе и возгласил: “Через год будешь обнимать сына!” И вышло по слову человека Божьего – зачала женщина и родила дитя в предсказанный срок.

– Подрос мальчик, – рассказывал дальше Овед, – и как-

то в особенно жаркий день понес он в поле обед жнецам. И худо стало ребенку, и он закричал отцу: “Голова моя! Голова моя!” Отнесли мальчика домой к матери, и он лежал у нее на коленях, и похолодел телом и к полудню умер. И отправилась она в Кармель, где жил человек Божий, и поведала ему о горе своем. И Элиша, не медля, двинулся в путь, и, придя в Шунэм, положил мертвое дитя на постель, на которой сам когда-то ночевал, и приложил свои губы к устам покойного и оживил его. И мальчик встал, чихнул семь раз, и открыл глаза и стряхнул с себя смерть! Вот какие добрые дела и чудеса творил пророк Элиша!

– Я прежде не слыхала замечательной этой истории, почтенный Оded, – сказала Аталья, – вспоминаю, однако, мать говорила, что в поле от жаркого солнца у ребенка иной раз раскалится голова, и он впадет в странное забытьё, и члены его остынут: ни дать, ни взять – умер! А знающий человек согреет похолодевшего своим дыханием, и тот восстанет ото сна!

– Аталья, ты приземленностью своею рада умалить заслугу человека Божьего, – заметил Оded, – и диво дивное перетолковала как целителя сноровку. Что ж, и это уж не худо. Но ведь, жена старика по слову Элиши понесла и родила! Это ли не чудо?

– Э-э-э-э... Право, не знаю, что и сказать, – пряча улыбку, ответила Аталья, – мир полон таких чудес. Вот ежели бы ты не упомянул про юношу, сопровождавшего Элишу...

– Ах, грязные твои мысли! – в сердцах воскликнул Оded.

– Я не обижаюсь. Есть у тебя еще истории о добродетелях Элиши?

– Довольно на сегодня!

– Тогда я расскажу о нем кое-что, тебе, возможно, известное. Как-то раз брел Элиша по дороге, а навстречу ему выскочили мальчишки и давай дразнить: “Плешивый, плешивый!” А он и в самом деле лысый. Очень осерчал пророк на детей и проклял их именем божества вашего. Не удивительно, что вышли тут из лесу две медведицы и на глазах у человека Божьего растерзали сорок два мальчика.

– Да, случилось такое. Думаешь, нет у меня слова в защиту пророка? Да будет тебе известно, Аталья, что покуда Элиша не очистил источники в городе Ерихо, эти мальчишки продавали чистую воду жителям, чем и кормились. Когда увидели они Элишу, то захотели успокоить доброго Божьего человека, мол, хоть мы и лишились заработка, но не умерли с голоду. Потому кричали они: “Мы живы, мы живы!”

а Элише послышалось “Плешивый, плешивый!”. Однако не было вокруг ни медведей, ни леса. Но пророк сотворил и то и другое, показав чудодействие силы своей. Впрочем, гневлив был Элиша чрезмерно.

– Ты одобрял меня за то, что не отрицала заслуг Элиши, а я воздаю тебе хвалу за признание изъязнов его.

– Ах, Аталья! Что толку в похвалах, коли над Иудеей великая угроза нависла. Болтливость не по сану моему, но, надеюсь, веришь мне. Обуздай Ахазью, чтоб не шел греховным путем брата твоего Йорама. И сама умерь пыл свой созидательный. Ты знаешь, что я имею в виду. Береги себя, сына и страну.

Со словами этими ушел опечаленный Овед. А Аталья осталась наедине с собой и невеселыми думами. Тревожно живетя тому, кто хочет благоденствия.

Глава 11 Несчастья чередой

1

“Доколе преступлениям против Господа нашего безнаказанным оставаться? – риторически вопрошал сам себя пророк Эльяу, и горела душа его от боли, гнева и жалости, – сколь еще народу-избраннику терпеть языческую мерзость владык своих?” Он копошился в памяти: дело Навота, дружба с языческими царствами, совращение безбожием,

возведение капищ идолопоклонства. “И вот, назревает худшее, – возвышал голос пророк, – чума поползла из Израиля в Иудею!”

Начавший путь в сомнениях кончит его в уверенности. Эльяу все более утверждался в мысли, что конец произволу близок, а виновников ждет суровая расплата. Убежденность пророка была подсказана ему той очевидной реальностью, что с ним Бог. Терпение Всевышнего небеспретельно, и вещими устами своего посланца на земле Он сметет кривду.

Эльяу стар, ему нужна опора и продолжатели. Он не одинок. Десятки, сотни верных учеников воспитал он, и лучший из них – Элиша. Вот кому он передаст факел! К счастью для народов Израиля и Иудеи, мыслили в унисон Господь и пророк Его. И услышал Эльяу голос тонкой тишины, глас Всевышнего: “Помажешь Элишу вместо себя, воеводу Еу помажешь на царство в Израиле...”

О выдающемся ревнителе веры – полководце Еу – речь впереди. А пока, не теряя времени, Эльяу отыскал Элишу, дабы передать ему волю Господа и приготовить питомца к исполнению великой миссии. Элиша как раз пахал землю, правя парой волов. Услыхав речи наставника, он зарезал животных, сварил их мясо, раздал людям, и они ели. А потом ученик последовал за учителем и стал служить ему.

Подошли к концу дни земной жизни пророка Эльяу. Вот, шагали вдвоем по чистому полю воспитатель и воспитанник, и старший сказал младшему, что настало время прощания. Тут слетела с небес огненная колесница, запряженная огненными конями. И взошел Эльяу на место возничего и вихрем унесся в лазурную высь. И сбылось самое сокровенное желание Элиши – вошел в него дух Эльяу.

Теперь ученику самому везти воз перемен. Один из наказов Бога свершился – Элиша заместил Эльяу. Очередь за помазанием нового царя Израиля. Пророк принялся обдумывать план коронования благочестивого военачальника Еу, коему выпала судьба занять престол Йорама, неугодного борцам за истину на земле.

“Путч? Переворот? Пожалуй... – рассуждал Элиша, – а какова будущность низложенного монарха? И что станется с родней и единомышленниками его? Легче изменить сразу многое, чем что-то одно. Дни покажут, как удивительно просты и надежны ответы на вопросы. Ради торжества высокого вечного духа долг мой принести в жертву низкую брENNую плоть!”

2

Первосвященник Овед не раз и не два остерегал Аталью от гнева израильских пророков, коих одержимость не знает

границ. “Уйми языческую прить свою, люби Иудею иудейскую, образумь брата и сына – царей недалеких – береги их шкуру и о себе помни!” – так говаривал он сестре и матери монархов. Отчасти Аталья верила словам доброхота, но больше подозревала в них своекорыстный расчет.

Когда же Эльяу вознесся на небо, и место его на земле занял менее экспансивный, но более предприимчивый Элиша, то очевидно стало Одеду, что великие перемены не заставят себя долго ждать. Предвидя направление грядущих событий, он желал знать их конкретность. Поэтому он обязал вездесущего Матана вынюхивать, выведывать, выуживать и доносить. Такое же задание служитель храма получил от владычицы своей судьбы Атальи, которую Одеду удалось заразить тревогой. Угождать двум господам Матану не впервой.

Как всегда безупречно и профессионально исполнив поручение, уведомитель вернулся в Иерусалим с полным коробом важнейших новостей. Первым делом явился к Аталье, ибо дворцовые клещи жмут сильнее храмовых. К удивлению своему застал Одеда, беседующего с Атальей. Лица обоих тревожны. Матан растерялся – что и кому говорить? Они выручили его, нетерпеливо крикнув одновременно: “Выкладывай все без утайки!”

– Военачальник армии Йорама небезызвестный Еу коро-

нован на царство! – выпалил Матан, начав с конца.

– Я ждал чего-то в этом роде! – воскликнул Овед.

– Где мой сын Ахазья? – трагически вскричала Аталья.

– Я с ним столкнулся по пути, остерег ехать в Шомрон, где катаклизмы неизбежны, просил вернуться в Иерусалим, – попытался Матан успокоить сердце матери.

– Он внял увещеваньям? – вновь возвысила голос Аталья.

– Уверен – да! Он благоразумен, как и мать его, – подольстился Матан.

– О, боги, спасите Ахазью! – утерла слезы Аталья.

– Где короновали Еу? – спросил Овед.

– В Рамот-Гилад, там армия Йорама расположилась.

– Законный царь Израиля где пребывает? – продолжил Овед.

– Йорам залечивает рану в Шомроне, – ответил Матан.

– Бедный брат мой, что ждет его... – простионала Аталья.

– Угадываю дальновидный ум и длинную руку славного нашего Элиши! – изрек Оед, пряча глаза от Атальи, – какие подробности тебе известны, Матан?

– Ты прав, долга рука пророка, да он к ней еще сустав прибавил, – сказал Матан, – сам Элиша не участвовал в помазании, уполномочил ученика.

– Оно и понятно! – заметила Аталья, – вдруг дело не выгорит? Как-никак имя поставлено на кон!

– Излагай дальше, Матан, – бросил Оед.

– Ученик Элиши явился в Рамот-Гилад, – продолжил Матан, – и видит, сидят пред ним широким кругом военачальники, и он призвал Еу, и уединился с ним, и вылил ему на голову елей и сказал: “Следуя речам Господа, кои вложил мне в уши пророк, я помазал тебя, дабы стал ты царем над народом Израиля!” Произнеся роковые слова, посланец Элиши спешно отворил дверь и скрылся.

– Что прочие военачальники? – спросил Оед.

– Приветствовали нового царя и затрубили на радостях в

шофар, – ответил Матан.

– Низкие предатели! – вскричала Аталья, – а ведь не раз я указывала Йораму, что скупится он на мзду ратным командирам – корыстолюбцам этим мошна нужнее родины!

– Предатели? Корыстолюбцы? – возразил Оded, – или поборники истинной веры нашей, что не приемлют идолопоклонства и Бога боятся? Что скажешь, Аталья?

– Кто теперь защитит брата от изменника Еу? – воскликнула Аталья, не ответив на замечание первосвященника, которое показалось ей праздным.

Сообщивши известное ему, Матан убрался восвояси. Аталья и Оded сидели молча, глядели друг на друга, каждый думал о своем. Тревога и страх вошли в сердца обоих.

3

Оded покинул дворец, оставив Аталью наедине с тяжелыми предчувствиями. Они не обманули ее. Начальник охраны ворвался к Аталье: “Вестник из Шомрона, испрашивает согласия срочно выслушать его!”

– Госпожа, не вели казнить за дурную весть, но долг мой не скрывать ее, дабы действовала ты, сообразуясь с нею – выкрикнул гонец.

– Говори! – приказала Аталья, догадываясь, какого рода новость ей предстоит выслушать.

– В Шомроне самозванный царь Еу убил законного монарха Израиля твоего брата Йорама!

– Еу не самозванец... Гораздо хуже... Он помазанник их божества и назначенец пророка, – произнесла Аталья, тяжело уселась в кресло, и слезы потекли по ее щекам, – слышал ли ты что-нибудь о сыне моем Ахазье?

– Говорили, что человек из храма остерег Ахазью ехать к Йораму, и он поворотил назад оглобли.

– Скорей бы уж вернулся он! Доложи подробнее о преступлении в Шомроне.

– Йорам пребывал во дворце своем, залечивая боевую рану. Узнал, что Еу возвратился, вышел за городскую стену ему навстречу и с подозрением спросил, зачем тот оставил поле битвы и с миром ли явился? Дерзкий ответ услышал законный царь: “Не будет меж нами мира, коли родительница твоя Изевель волхвует!” Тут Еу натянул лук и поразил Йорама между плеч, и вышла стрела из сердца, и пал он мертвый на колени к колеснице своей. А Еу велел бросить тело на поле

Навота, дескать, такова была воля небес.

Аталья сделала знак рукой, и вестник удалился. А она сидела и плакала, и вспоминала детство, и думала, что вот, теперь она одна у матери осталась.

4

Не успели высохнуть слезы на щеках Атальи, а уж свежая новость колотится в двери, стучится в сердце. Посланец из Изреэля прибыл.

– Дурная весть на языке моем, – выкрикнул запыхавшийся от скачки конник, – крепись, Аталья!

– Какой ужасный день! Не мешкай, говори!

– Аталья, ты осиротела. Убита Изевель!

– О-о-о, матушка...

– Еу с тремя всадниками примчался в Изреэль, ворвался в дом, где коротала дни одряхлевшая и слабосильная матрона. Непокоренная, она гордо и достойно встречала смерть. Насинила краской глаза свои и голову украсила. “Цареубийца! За жизнью моей пришел?” – крикнула она. Не отвечая, Еу приказал своим людям схватить старушку и бросить через окно на землю. “Она царская дочь, похороним ее!” – сказал

Еу, поев и попив, но опоздал. Псы успели обглодать плоть с костей убитой.

– Не слыхал ли ты в пути о сыне моем, об Ахазье?

– Говорили мне, что он извещен о катастрофе и держит путь домой в Иерусалим.

– Где же он, где? Как долго нет его... – пробормотала Аталья. Отпустила конника.

5

К вечеру страшного дня, когда Аталья, одинокая и несчастная, пребывала в совершенной прострации, ничего не слыша и не видя, пробрался к ней Матан, произнес ее имя и вывел из оцепенения.

– Я скорблю вместе с тобой, Аталья, но ты не знаешь всего.

– Что еще? – подняла на него глаза Аталья.

– Осведомители мои прибыли из Изреэля и Шомрона. Сообщают кое-что – тебя, да и всех нас касаемое.

– Обожди с бездольем. Ты, кажется, остерегал Ахазью от беды, и он намерен был вернуться в Иерусалим?

– Так точно, госпожа.

– Где он?

– Должен с часу на час появиться.

– Ладно, выкладывай свое.

– Еу разослал во все концы Израиля указ старейшинам и главам городов уничтожить родню Ахава, а заодно бывших вельмож и друзей его – всех без исключения. Верноподданные самозваного царя, страшась гнева монаршего, подобострастно исполнили волю бесноватого Еу и прислали ему в корзинах головы убитых. И не осталось в Израиле ни одной живой души из рода отца твоего.

– Свирепство! Лютость! Каково божество на небесах, таковы пророки и помазанники на земле! Я слышу стук копыт вдалеке. Не Ахазья ли?

– Это колесница Одеда.

– Подождет. Что еще у тебя?

– Элише угождая, Еу истребил идолопоклонство в своей

стране. Собрал жрецов и всех прочих язычников в храме бога вашего Баала и сказал, смеясь коварно, дескать, жертву великую принесет кумиру их. Когда народ приступил к молитве, приказал Еу воинам своим ворваться в здание и зарубить мечами всех до единого. Потом сожгли идолов, а храм Баала превратили в отхожее место.

– Кажется, улыбка мелькнула на губах твоих. Ты рад несчастьям, Матан? Убирайся прочь!

6

Обессиленная Аталья упала в кресло. Наступила ночь. Бессловесный слуга развел огонь в очаге, зажег лампы, поставил перед Атальей кружку с вином и тихо удалился. Душа ее опустела, и мысли не рождались в голове. Вдруг вспомнила. “Одед, это ты? Входи!”

В дверях появилась фигура первосвященника. Лицо бледно от страха. Он молча сел напротив Атальи, взял ее руку в свою – неслыханная вольность для коэна. Она затрепетала, взглянула на него. Он отвел глаза.

– Почему молчишь, Одед! – вскричала Аталья и впилась ногтями ему в руку.

– Я... Я должен сказать... Тяжело произнести...

– Ахазья? – истерический женский вопль взвился под сво-
ды дворца.

– Он не послушал Матана... Хотел Йораму помочь... Еу погнался за ним и ранил, и умер Ахазья... Рабы привезли тело в Иерусалим, мы похороним сына твоего в городе Давида... Ты успеешь взглянуть на него...

Мертвенная бледность разлилась по лику Аталы, глаза остекленели, сознание покинуло ее. Первосвященник едва успел подхватить бесчувственное тело. Он призвал слуг и распорядился унести Аталю в опочивальню.

Глава 12 Царица Аталы

1

Жизнь Аталы пришлась на первостепенной важности дни в истории земли Ханаанской – опасный подъем и славное сокрушение богоборческого духа. К счастью людей, в большинстве своем неразумных и легкомысленных, Господь имеет обыкновение великодушно уравнивать беды грозного времени дарованием спасителя заблудшему стаду. Помазание на царство полководца Еу и пророческое напутствие ему на грядущие подвиги – безупречный тому пример.

В Священном Писании запечатлены слова, сказанные Богом верному Его рабу Еу: “За то, что ты хорошо сделал то,

что было праведно в очах Моих, выполнил над домом Ахава все, что было на сердце у Меня, сыновья твои до четвертого поколения будут сидеть на престоле Израилевом.” Из того же непреложного источника мы узнаём, как впоследствии грешил Еу против Господа, но укоренилась в умах вовремя изреченная высочайшая похвала. Но много ли значит награда? Ценность добрых дел – в них самих.

2

Долго не могла оправиться Аталья от ударов жестокой судьбы. Лежала в бреду. Казалось, рассудок ее помутился. Одед навещал, слуги хлопотали, Матан выказывал интерес. Старый врачеватель – тот самый – давным-давно предсказавший ущербность чрева Атальи и принявший вступающее в мир единственное дитя ее, нынче употреблял мастерство лекарское на исцеление недужной.

Звенели в ушах Атальи материнские слова: “Своего Ахазью береги!”. Не исполнила наказ, потеряла дитя. Велика скорбь утраты, но есть несчастье похуже: сын жизни лишился. Все думала о прошлом. Не вернуть Ахазью – вот мысль, горше которой нет.

“Порученец небес истребил род мой, – размышляла Аталья, – разве не в праве я ответить мерой на меру? Ведь в руке моей младенцы, потомки тех, кого убийца Еу мыслит наследниками трона, у Ахазьи отнятого. Я знаю, не правосуд-

но оставлять преступление без последствий, но не свершу я праведную месть. Прибавлю еще одну несправедливость к несчетному числу их на земле. Сердце не позволит умертвить невинных крошек. Раз пощадила деток и опять не трону. Теперь я сожалею, что подстрекнула мужа на убийство братьев”.

3

Тревога снедала душу Одеда, росла день ото дня. “Трон Иудеи пуст, – думал первосвященник, – случись нашествие врага, бунт внутри страны иль битва за власть в Иерусалиме – и беда неминуема. Аталья больна. Наследники в пеленках. Сохрани Господь от братоубийственной войны с Шомроном, а свирепый Еу непредсказуем. Как умиротворить Богом данного героя?”

Незавершенность цели наущала Еу на продолжение подвигов. Гонец новоиспеченного монарха Израиля примчался в Иерусалим и предал весть: царь направляется в Иудею для беседы с первосвященником. Одед в сопровождении свиты коэнов вышел за ворота столицы встречать почетного визитера. В голове его готов был обоюдодоприемлемый план.

– Мир ли на уме у тебя, премудрый главный коэн? – спросил Еу приблизившегося Одеда.

– О, вершитель воли небес на земле, государь и слав-

ный воин! Что может быть на уме у первосвященника храма иудейского? Да разве знаток Писания замыслит недоброе? Мир, и только мир в сердце моем! – достойно ответил Овед.

– Тогда взойди на колесницу, нам есть, что обсудить с глазу на глаз.

– Тебе приготовлена подобающая монарху встреча. Будь добр, Еу, проследуй за мною в храм.

– Не имею досуга. Дела государства перее потехи тщеславия. Давай руку, Овед, и поднимайся ко мне.

– Скромность царя – пример подданным! – сказал Овед, усаживаясь рядом с Еу.

– Я скромен? Еще скажи, что кроток! Оставим любезности и перейдем к делам. Я истребил мечом язычество в Израиле, а в Иудее распускаются цветы зла. Согласен ты со мной, Овед?

– Увы, ты прав.

– Малолетние сыны убитого мною Ахазьи и других детей покойного отца его – вот скрытая угроза нашей вере.

– Увы, ты прав.

– Неизбежно уничтожить их!

– Увы, ты прав.

– Но младенцы эти – потомки царя Давида, а Богу угодно хранить династию. Как быть, Оед мудрейший?

– Мы не должны оставлять в живых возможных будущих вожakov идолопоклонства и не имеем права оборвать священный род Давида. Однако дилемму можно разрешить. Ты тайно подошлешь в Иерусалим отважного бойца, и он зарежет младенцев. А я позабочусь о спасении одного из них. Вырастим, воспитаем и помажем на царство.

– Спросят, кто погубил невинных крошек? Каков ответ?

– Ты уничтожил царский род Аталы. Стало быть, естественно ей отомстить, воздавая той же монетой, и истребить дом Давида. Правдоподобно? Я устрою так, чтобы толкование сие закрепилось в Святых Книгах.

– Придумано отменно. Сразу видно просвещенного знатока Писания!

– Ты предлагал отбросить любезности, не так ли?

– Так! Теперь о другом. Худо, что слишком долго нет царя в Иудее – это чревато!

– Возведу на престол Аталью!

– Баба станет править иудейским царством? Да еще неиудейка! Все ли ты взвесил, мудрейший?

– Смирись, Еу. Она – меньшее из зол. Подрастет сынок Ахазьи, и станет царем. А от Атальи я избавлюсь. Возможно, твоим манером.

– По рукам, Одед. Да поможет нам Господь – ведь Его волю мы исполняем!

– С нами Бог!

4

Аталья поправлялась. Душевная рана болела, но, кажется, затягивалась понемногу. Почти ежедневно навещавший больную Одед начал атаку. Он уговаривал Аталью надеть корону – опасно оставлять страну без царя во главе.

“Да ведь я же женщина! И больна, и горе в сердце моем – какая из меня царица?” – возражала Аталья. Но Одед не

отступал: “Не рискуй судьбой любимой тобой Иудеи! Никто лучше тебя не сохранит мир в стране, никому не сумеет избежать войн с соседями, и, между нами говоря, дорогая Аталья, только ты сможешь удержать безумного Еу от соблазна братоубийственной войны! Конечно, женщина на троне – факт неотрадный, но подрастет наследник из мочащихся к стене и сменит тебя! Соглашайся, Аталья, ведь на поверку ты будешь скорее регентша, чем монархиня, зато царский титул увековечит имя твое!”

Возымели действие льстивые речи, и Аталья уступила. Решению помогла перемена, случившаяся в сердце ее – страдание о смерти сына сменилось мукой от мысли о смерти его, и не по силам была ей мука эта. Не умела она, как Изевель, страстно любить и пронзительно горевать.

“Я еще не стара, – размышляла Аталья, – хочу делом жить, а не горем доживать. Поцарствую лет пятнадцать, глядишь, успею отмыть страну от пятен черной веры. Пока внучек подрастет, Иудея расцветет!” Намерениями своими Аталья не делилась с Одедом, равно как и он держал от нее в тайне сговор с Еу.

Одед помазал на царство женщину. Итак, Аталья – царица Иудеи.

Только взойшла Аталья на трон, как Оded исполнил еще одну часть уговора с Еу, тайно впустив в Иерусалим монаршего посланца, и тот зарезал младенцев. Обливавшуюся слезами Аталью первосвященник утешил известием, что жене его удалось спасти от ножа одного из крошек – маленького Ёаша, сына Ахазьи.

“Дитя будет воспитываться в храме, – сообщил Оded царице, – ибо только там удастся уберечь единственного наследника от руки лютой судьбы. В доме Господа не посмеет лиходей совершить злодеяние. К несчастью, ты не сможешь встречаться с мальчиком – ведь тебе, как неиудейке, вход в храм заказан”. А про себя подумал, мол, благодарение Богу, она не сумеет отравить ум ребенка ядом язычества. Оded не запомнил данного Еу обещания и позаботился о разумном толковании событий в Святых Книгах.

5

Взойдя на трон, Аталья энергично принялась за труд обновления среды духовной и среды предметной. Фундамент существовал. После смерти Иошафата, мир праху покойного, сын его Йорам, за ним внук Ахазья, да и сама Аталья по мере скромных сил своих – все они старались закрепить языческие понятия в головах людей зажиточных и служивых при царском дворе. И в пику храму даже молельный дом был выстроен, и паства собиралась в нем.

Как обычно, пригодился Матан. Он был снаряжен в далекий Египет – отыскать доку во всевозможной инженерии, соблазнить его славным кушем и привезти в Иерусалим, дабы возглавил возведение разного рода построек.

Матан прибил к купеческому каравану, возвращавшемуся на родину, и не терял в пути времени даром и перенял от попутчиков речь египтян. Нужный человек отыскался в прекрасном городе под названием Ноф. Место это известно было множеством построек и еще большим числом незанятых созидателей. Честолюбивый зодчий, Зор его имя, охотно отправиться в Иерусалим, и Матан вновь употребил с пользой дни скучной дороги и выучил будущего градостроителя своему языку.

Царица Аталья уделила молодому цветущего вида египтянину комнаты в дальнем флигеле дворца, затем познакомила Зора со своими проектами.

Во-первых, украсить дворец, добавить сверху этаж, разбить новый сад вокруг и устроить бассейн для золотых рыбок – пусть будет красиво, как в Нофе.

Во-вторых, в нищих кварталах Иерусалима выкопать колодцы и соорудить водоводы, чтобы поля и виноградники хорошо плодоносили, и нынешние оборвыши превратились бы

в зажиточных виноделов, мукомолов и хлебопеков, а самые сметливые занялись бы ремеслом, и вчерашние голяки стали бы продавать вино, хлеб и изделия рук своих, и богатели бы и платили бы налог в казну.

Зор пришел в восторг от замыслов царицы, но в одном усомнился: откуда возьмутся рабочие руки? “Рабов в Иерусалиме до смешного мало, – заметил Зор, – совсем не как в благословенном Нофе, а простонародье предпочитает черному труду пение в храме. Если и появится какой излишек от первенцев стада или плодов земли, не принесут его на рынок, но принесут в жертву небесным и земным обитателям того же храма!” Аталье понравилась наблюдательность Зора, и она ответила ему, что они поделят меж собой обязанности: ее дело отучать, а его – обучать. Помедлив, напомним, мол, за щедрую мзду и служба должна быть хороша.

Аталья велела отрокам из состоятельных и благородных семей собираться у нее во дворце по вечерам, дабы овладевали чтением и письмом. Прежде юнцы эти в храме вытверживали молитвы на слух. Теперь царица заставляла трудиться их глазами и руками. Вскоре она обнаружила у некоторых питомцев рвение и способности к наукам. За уроком Атальи следовало занятие Зора. Он выбирал быстрых умом школяров и обучал их цифрам, счету, землемерию, орошению, знаниям о всяких постройках. Этого требовала от него даль-

новидная царица, желавшая воспитать в Иудее собственных знатоков и мастеров.

Аталья и Зор трудились много и сообща, увлеченно и самозабвенно. Разве труд бок о бок и единомыслие не родят дружбы? Теперь возьмем в расчет, что Аталья – женщина нестарая, очень одинокая, и, конечно, тоскующая по ласке. Зор – мужчина молодой, полный сил, холостой и, несомненно, обуреваемый стремлениями, чем-то схожими с тоской Атальи. Со временем тесное сотрудничество приобрело романтическую окраску. Аталья тайно навещала Зора в его отдаленном флигеле. Этот малозначительный для истории земли Ханаанской факт остался бы неизвестным, если бы ни одно несчастливое обстоятельство.

Раз на рассвете вездесущий Матан увидел Аталью, украдкой пробирающуюся от Зора в свою скучную опочивальню. Она же не заметила соглядатая. Прежде будущность Матана была в руке Атальи безраздельно, а теперь ему стал известен секрет, порочащий владычицу его судьбы, и он подумал, что они равно опасны друг для друга, и страх его улетучился.

Похоть затмила разум. Матан рассудил, мол, чем он хуже египтянина? Как бывало когда-то, он вновь стал бросать на Аталью смелые взгляды, а однажды, употребив для храбрости кружку молодого вина, обнял ее за талию и попытался

поцеловать.

Гнев царицы был страшен. “Негодяй! – вскричала Аталья, – ты червь, а я монархиня! Ты, кажется, забылся, убийца братьев Йорама! Сей момент я кликну стражу! Самец! Я прикажу оскопить тебя!”

Последние слова Атальи низвергли Матана на колени. “О, госпожа, пощади! – взмолился он, – минутное затмение ума со мной случилось! Смилуйся, только не это!”

Вечно попираемая мужчинами, Аталья с приятностью осознала женскую силу свою. “Прощу на сей раз. Теперь убирайся! – скомандовала, – похоже, для кобелиного отродья есть вещи дороже жизни... – подумала, – однако, отчего он вдруг осмелел? Уж не прознал ли наш с Зором секрет? Как-ков наглец! Коня куют, а жаба лапу подставляет!”

Спасшийся от худшего, но уязвленный до дна нутра своего, Матан из мести стал доносить Еу об успехах Атальи.

6

Шел седьмой год царствования Атальи. Победы ее замыслов были очевидны. Она надеялась удержаться на троне еще столько и полстолька. “Когда коронуют Ёаша, – рассуждала царица, – он увидит совершенно преображенную Иудею и, конечно, продолжит деяния, славно начатые его бабуш-

кой!” Аталья не имела права входить в храм и видаться с внуком, но не сомневалась, что очевидность прекрасной новизны сильнее подействует на будущего молодого монарха, нежели догмы, рьяно внедряемые храмовыми коэнами в его юную голову.

Первосвященник Одед был чрезвычайно обеспокоен новшествами. Он страшился того, на что уповала Аталья. Достижения царицы серьезно угрожали авторитету веры, храма и его самого. И без того Одед не был уверен в надежности одержимого Еу, теперь же, когда вновьявленный царь Израиля узнавал из уст Матана о всяком сдвиге к язычеству в Иерусалиме, у главного коэна появились основательные причины опасаться нападения Еу на Иудею. Встречаясь с Одедом, правоверный Еу не скрывал своего отвращения к нововведениям Атальи и всякий раз указывал первосвященнику на позор иудейский – баба на троне! С тяжелым сердцем Одед решил на решительный разговор с монархиней.

– Мир тебе, владычица Иудеи, и земле, подвластной воле твоей – мир! – изрек вошедший первосвященник.

– Мир и тебе, славный поводырь народа! – ответила царица, поудобнее устраиваясь на троне.

– Сдается мне, что ипостась вожатого ты мало-помалу по-

хищаешь у меня!

– Ах, ты преувеличиваешь, мудрый Одед, – с притворной скромностью заметила польщенная Аталья.

– Не преуменьшить бы! Скажи-ка, каково это – восседать на престоле царском? Помнишь, как я трудно уговаривал тебя? Не сожалеешь?

– Повелевая и уничижая чужую волю – я упиваюсь наслаждением. Это – откровенно.

– Это откровенно ты шутишь надо мной. Не такой тебя я знаю. Ты бескорыстно творишь добро для подданных своих!

– Бескорыстно? Похоже, ты тоже не враг шутейства. Однако, что кроме забавы привело тебя во дворец, Одед?

– Спрошу кое о чем. Надеюсь, не убудет твоя откровенность. Зачем ты превращаешь бедняков иерусалимских в виноделов и мастеровых?

– Чтоб трудились, богатели и платили налог в мою казну. Как видишь, я прямодушна и сребролюбива!

– Однако, Аталья, к работе побуждая, ты алчность про-

буждаешь. Труд крадет время у молитвы, плотское теснит духовное. Люди обжигают горшки, а в храм не идут. Я возвышаю дух, ты – понижаешь. Дорога вверх одолевается просто, путь вниз – легкая прогулка. Вот корень зла успеха твоего!

– Отчасти я согласна с тобою. Но разнятся наши понятия о благе и о пользе.

– Аталья, ты принялась учить юнцов вещам, чуждым Святым Книгам, – воскликнул Одед, сердясь все более, – избыток разумения марает помыслы, отвращает от храма и от Бога! Тропа многознайства заводит в болото сомнений – худшего свойства ума. Я теряю приверженцев!

– Ты прав по-своему, Одед. Следует из ваших Книг, что знание есть первый и первейший грех. Кара за съеденное яблоко – изгнание!

– Намек прозрачен, но неуместен. Корона добавляет дерзости, не проникательности. Дела твои размывают убеждения моих прихожан!

– Убеждения – темный лабиринт!

– Оставим темную для тебя материю. Разумеешь ли, что,

сея семена язычества, ты Иудее вред чинишь?

– Отнюдь! Вред от поклоненья идолам куда как меньше пагубы вашей веры!

– Бесплезен спор, коль нет ни в чем согласья. Вернемся к общей точке. Ты любишь Иудею и хочешь пользы ей. В этом я с тобой. Прими в расчет, Матан доносит царю Израиля о достижениях твоих. Еу, лютый враг язычества, не остановится ни перед чем. Тебе ль не знать его повадки? Ты подвела нас к краю пропасти братоубийственной войны!

Сказавши это, возбужденный собственной правотой первосвященник покинул дворец. Стало очевидно ему, что промедление недопустимо. Он ни в чем не убедил Аталю, но, как всегда ему удавалось, страх вселил в нее. Она принялась тяжело думать, однако, он действовал быстрее, чем она сообщала.

7

На утро следующего дня Первосвященник Одед облачился в парадные одежды и велел нарядить принца Ёаша. Мальчика ввели в храмовую залу, и вслед за ним туда вошел Одед, держа в одной руке сосуд с елеем, а в другой – царскую корону. Он окропил маслом голову ребенка, возложил на нее золотой венец и объявил семилетнего Ёаша монархом Иудеи. Стоявшие вокруг коэны и левиты принялись рукоплескать и

кричать, что есть мочи “Да живет царь!”

Возгласы ликования донеслись до дворца, и услышала их Аталья и поняла, что свершилось непоправимое. Словно безумная бросилась она к храму, влетела в залу и увидела пред собой малолетнего внука, красного от смущения. В отчаянии Аталья упала лицом на пол, и слышали близстоявшие, как хрипела она “Заговор, заговор...”

“Покинь храм, Аталья! – крикнул Одед вчерашней царице, – запрещено тебе тут находиться!” Охранники помогли ей встать, вывели во двор. Первосвященник был смущен. Как поступить с нею? Он должен исполнить взятое перед Еу обещание, но язык не поворачивался отдать роковой приказ.

Матан пришел на выручку. Увидел, что Аталья потеряла власть и силу, и молнией кинулся к отверженной. Выхватил из-за пояса знакомый кинжал и вонзил ей в сердце. “Ты клеветала, унижала, глумилась! О, торжество и радость мести!” – в исступлении кричал он, глядя в бескровное лицо. Нет, не такого сладострастия он вождедел, но и сие мгновение – награда многоценная!

Эпилог

Героические подвиги шомронского монарха Еу неизбежно сказались на обстоятельствах его страны. Он убил язычницу Изевель, и это деяние остановило сотрудничество меж

Цидоном и Израилем. Охладел пыл добрососедства с Иудеей, ибо северный венценосец умертвил царя Ахазью и возненавидел царицу Аталью.

Истребляя внутренних врагов, Еу лишал себя силы против недругов внешних. Он сдался на милость Шалмансара, правителя Ашура, и принужден был покинуть союзников в войнах с ассирийцами. Да и владыка Дамаска не преминул воспользоваться немощью соседа и стал докучать Израилю хуже прежнего.

Сразу после возведения на престол малолетнего Ёаша и убиения Атальи, с корнем было вырвано язычество в Иудее. Верноподданные слуги Господа снесли храм Баала, жрецов убили, идолов сожгли. Первосвященник Одед покончил с негодными Богу начинаниями Атальи. Египтянин Зор вернулся на родину в свой процветающий и неправедный город Ноф.

Поскольку Ёаш был мал, правил за него Одед. То были прекрасные дни для храма Господня. Не скупился первосвященник на поправку, починку, отделку и прочие улучшения. А если кто из коэнов ошибался, направляя в облыжное русло пожертвованное храму серебро, то Одед и юный царь ставили ему на вид случайную оплошность.

Главный козень отдал в руки правосудия цареубийцу Матана. Назначенная кара была столь же суровой, сколь и справедливой – казнь путем побивания камнями. Матана подняли на скалу для свершения приговора. В последнем вожделе мести обреченный оглашал тайны двора, но зрители не верили, полагая его утратившим рассудок. Вопреки гуманному обыкновению Оед запретил давать смертнику чашу с дурманящим питьем.

Увы, летописцы истории и вероучители с ними заодно слишком скупо описали житие монархини Иудеи. Нам, потомкам, не известно даже место захоронения царицы Аталы.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word.